ADAM WALKER

ДРАНКОРИ

НУЛЕВАЯ ПЕСНЬ

ТОМ II

Adam Walker

Дранкори: Нулевая Песнь

«Автор»
2026

Walker A.

Дранкори: Нулевая Песнь / A. Walker — «Автор», 2026

Девять месяцев назад Адам Астафьев изменил закон, по которому дранкори распоряжались человеческими жизнями. Теперь пробудившийся Хранитель Меры вызывает его на суд.Но у Земли почти не осталось времени на споры. Из глубин Солнечной системы приходит сигнал. Незнакомые друг с другом дети произносят один и тот же вопрос. В древнем архиве обнаружены записи о семи исчезнувших цивилизациях — и пустая строка, отведённая Земле.Пока Адам ищет объяснение, люди начинают испытывать технологию, способную избавить их от одиночества. Почувствовать чужую боль. Услышать близкого без слов. Наконец быть понятым. Желающих подключиться становится всё больше.Среди свидетельств о погибших мирах Адам ищет то, что ещё можно успеть изменить. А на Земле уже повторяют обещания, которые звучали там перед концом.

© Walker A., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Пустая строка 5
Глава 1. Девять месяцев 6
Глава 2. Не произнося главного 13
Глава 3. Сон, которого не было 18
Глава 4. Первый проснувшийся 23
Глава 5. Мёртвый сервер 29
Глава 6. Точка за Плутоном 35
Глава 7. Ключ не поворачивается 40
Глава 8. Дети без снов 45
Глава 9. Вопрос 52
Глава 10. Хранитель Меры 57
Глава 11. Мир, оставленный людям 62
Глава 12. Право старшего 66
Глава 13. Суд над невозможным 70
Глава 14. Цена защиты 76
Глава 15. Резервная копия 84
Глава 16. Ошибка Марины 91
Конец ознакомительного фрагмента. 96

Adam Walker
Дранкори: Нулевая Песнь

Пролог. Пустая строка

Иссара нашла запись там, где её не должно было быть.

Глубинный архив ещё не проснулся до конца. Свет возникал короткими полосами и гас, прежде чем она успевала различить знаки. Один повреждённый слой держался только под её ладонью. Стоило отнять руку — пропадала середина строки, а вместе с ней и имя того, кто эту строку оставил.

Она перенесла уцелевшее на отдельный носитель и уже собиралась уходить, когда стена справа стала прозрачной.

За ней проступили восемь строк.

Семь были заполнены письменностью, которой не пользовались дранкори. Архив предлагал переводы, отменял их и начинал заново. Названия миров менялись. Последняя отметка оставалась одинаковой:

НАБЛЮДЕНИЕ ЗАВЕРШЕНО.

Иссара открыла первую запись. На мгновение возник светлый берег под полосатой планетой. Она не успела запросить время и место: изображение исчезло, оставив на стене светлую полосу.

Вторая запись отозвалась холодом. Четвёртая — светом шести лун. Остальные не открылись.

— Кто создал этот список?

Архив не ответил. В поле авторства не было даже знака утраты. Иссара попробовала найти запись в описи и получила пустую строку.

Она коснулась восьмого названия. Здесь перевод не требовался: знаки дранкори обозначали Солнечную систему и Землю. Поле напротив них оставалось незаполненным. Ни результата наблюдения, ни пометки о повреждении.

Иссара отключила автоматический перевод. Сохранила исходную запись отдельно от восстановленных имён и проверила, не перенёс ли архив собственную догадку вместо незнакомых знаков.

Когда она убрала ладонь, первые семь строк погасли. Восьмая задержалась ещё на несколько секунд.

Иссара ждала, что в пустом поле что-нибудь появится.

Ничего не появилось.

Глава 1. Девять месяцев

Марина по-прежнему клала ему в кофе сахар.

Ровно две ложки — как двадцать семь лет назад, когда девятилетний Адам морщился от одного запаха кофе, но всё равно таскал её чашку со стола, пытаясь понять, зачем взрослые пьют эту горечь каждое утро.

Теперь он пил кофе чёрным. Первые недели Адам пытался напоминать. Потом перестал. Он просто ждал, пока мать отвернётся к окну, и выливал слишком сладкий кофе в раковину. Сегодня она поймала его.

— Можно было сказать.

Марина стояла в дверях кухни, держа в руках раскрытую упаковку хлеба. На ней была серая футболка Виктора. Марина нашла её в нижнем ящике и узнала сразу; Адам помнил эту вещь уже выцветшей, с растянутым воротом. Мать носила её второй день и пока не спрашивала, где лежат остальные.

— Я говорил.

— Один раз.

— Четыре.

Она поставила хлеб на стол и посмотрела на сахарницу.

— Значит, я четыре раза не услышала.

— Или не захотела.

Марина подняла взгляд, взяла его чашку, вылила кофе и поставила турку обратно на плиту.

— Без сахара?

— Совсем.

— Виктор тоже так пил.

— Я знаю.

Она замерла всего на мгновение. Потом засыпала кофе, налила воду и включила конфорку. Утро за окном было серым, влажным и совершенно обычным. По двору шла женщина с маленькой собакой. Дворник в ярком жилете сгребал к бордюру прошлогодние листья, чудом пережившие зиму. У подъезда ругались двое водителей: один перегородил другому выезд и теперь доказывал, что оставил достаточно места. Девять месяцев назад Земля должна была погибнуть. Сегодня в семь сорок утра два человека внизу спорили из-за парковки.

Адам смотрел на них и чувствовал почти благодарность. После возвращения из Сибири он поселил Марину в квартире отца. Здесь было две комнаты, книги Виктора и старый письменный стол, за которым тот годами пытался доказать существование мира, спрятанного под человеческим. Марина знала каждый скрип половиц.

Иногда вставала ночью и без света шла на кухню, не задев ни одного угла. Иногда машинально тянулась к выключателю, который Виктор перенёс двенадцать лет назад, уже после её исчезновения. Тогда пальцы находили пустую стену, и Марина несколько секунд стояла неподвижно. Адам ни разу не спросил, что она чувствует в такие моменты. Он боялся, что она ответит. Кофе начал подниматься. Марина сняла турку прежде, чем пена добралась до края, и наполнила чистую чашку.

— Попробуй.

— Я помню вкус кофе.

— Я хочу убедиться, что на этот раз не испортила.

Адам поднял чашку. Под пальцами на миг возник другой край — широкий, наклонённый вправо. Он задержал руку, пока не увидел блюдце прямо под ней, и сделал глоток. Марина посмотрела на его запястье, но ничего не сказала.

— Нормально.

— У тебя отвратительное лицо для слова «нормально».

— У меня обычное лицо.

— Нет. Обычное лицо у тебя бывает, когда ты врёшь людям, которых не знаешь.

Он невольно усмехнулся. Марина увидела это и тоже улыбнулась — осторожно, словно ещё не была уверена, что имеет право. Адам представлял воссоединение иначе. В тех редких детских снах, которые сохранились у него до взрослого возраста, мать всегда возвращалась такой, какой он её запомнил. Молодой, смеющейся, пахнущей морозом и больничным мылом. Она входила в комнату, и всё сразу становилось правильным. Отец переставал молчать. Адам переставал ждать. Мир признавал, что произошла ошибка, и возвращал украденное.

Мать действительно вернулась молодой. Всё остальное оказалось сложнее.

— Ты опять не спал, — сказала Марина.

— Спал.

— До четырёх на кухне горел свет.

— Следишь за мной?

— Встала попить.

Адам поставил чашку на стол. Она осталась рядом с его рукой. Он мог сказать, что тоже видел свет под её дверью, но тогда разговор пришлось бы продолжить.

— Мне не снилось ничего, — сказал он.

— Уже сколько?

— С Резерва.

Она села напротив и отодвинула сахарницу, освобождая место для его руки. Под воротом футболки блеснула узкая полоса чешуи. За девять месяцев Адам привык замечать её без того короткого внутреннего сбоя, с которым прежде узнавал в матери сразу двух незнакомых ему существ.

— А тяга?

— Исчезла.

— Давление под грудиной?

— Тоже.

— Изменения слуха? Ощущение низкой частоты?

— Марина.

— Мы обсуждали это вчера.

Адам взял чашку и ушёл к окну. На стекле сохранился бледный след от ладони. Марина часто стояла здесь вечерами, глядя на двор, и Адам не понимал, что именно она пытается увидеть. Москву, которой не знала? Дом, в котором когда-то жила? Виктора, возвращающегося с работы?

За девять месяцев она ни разу не попросила отвезти её на кладбище. А он ни разу не предложил.

— Ни снов, ни зова, ни голоса, — сказал Адам. — Только рука.

— Сегодня сильнее?

— Так же. Чашку не уронил.

Марина не стала считать это улучшением. Иногда далёкий узел менял нагрузку, и ладонь Адама ощущала опору, которой в комнате не было. Иногда под ним уходил неподвижный пол. Рабочая связь при этом могла быть закрыта. Откуда приходило ощущение, он не знал; распоряжаться тем местом не мог. Иссара продолжала разбирать запись изменения закона. Ответа, как убрать из него живой след и не повредить самого Адама, у неё пока не было.

Он отвернулся к окну. Внизу водитель наконец переставил машину.

Переписанный закон остановил Отбор. Закрытые внешние пути остались закрытыми, но импульс, сопровождавший изменение, уже ушёл. Потом был контакт с Тьмой, которого Адам

не умел пересказать матери от начала до конца. Она отступила думать; никто не обещал, что следующее решение будет другим. Первые недели он каждое утро ждал чёрного неба. Теперь иногда забывал проверить его до обеда.

Телефон на столе коротко завибрировал.

Лея: Южный узел без изменений. Иссара просит ещё два дня. Не приезжай, пока не позовём.

Через секунду пришло второе сообщение.

И да, это означает именно «не приезжай», а не «приезжай тайно и никому не говори».

Марина прочитала его через плечо.

— Она быстро тебя изучила.

— Ей помогало досье AURIX.

— В досье было написано, что ты не выполняешь прямые просьбы?

— Это можно было вынести в заголовок.

— Тогда не приезжай.

— Я и не собирался.

Марина посмотрела на собранную у двери сумку.

— Там документы из института.

— Конечно.

— И одежда.

— В институте холодно.

— Иногда.

Она подошла к сумке, расстегнула боковой карман и достала складной термоплащ.

— А это на случай дождя в институте?

Адам забрал плащ и положил обратно.

— Я не собирался ехать в Антарктиду.

— Но собрался так, чтобы иметь возможность передумать.

— Ты тоже так делала.

— Поэтому и заметила.

Марина вернулась к столу и принялась убирать хлеб. Она складывала всё не на свои места: чашки ставила в шкаф справа, хотя они много лет хранились слева, полотенце вешала на ручку духовки, сахар прятала на верхнюю полку. Адам открыл левый шкаф, не нашёл чашек и закрыл его. За девять месяцев это успело стать обычным раздражением. Он не хотел возвращать всё на прежние места.

***

Днём он всё-таки поехал в институт. Его прежнюю лабораторию опечатали восемь месяцев назад. Формальной причиной было нарушение протоколов биологической безопасности. Неформальную никто не произносил вслух, хотя половина сотрудников видела людей, которые приехали ночью, забрали серверы и потребовали забыть имя Глеба Северина. С тех пор институт трижды предлагал Адаму вернуться. Сначала осторожно. Потом настойчиво. После публикаций Леи — почти униженно.

Адам не вернулся. Он числился консультантом, появлялся несколько раз в месяц и пользовался лабораторией на другом этаже, где не осталось ничего связанного с тем образцом крови, который однажды изменил его представление о человеке. Сегодня ему нужно было проверить результаты секвенирования проб из Антарктиды. Он провёл в институте шесть часов. Дважды проверил расчёты, попросил повторить подготовку библиотеки и почти двадцать минут спорил с заведующим о загрязнении контрольного образца. На слове «контроль» пол качнулся. Адам взялся за край стола, дослушал фразу до конца и попросил показать исходные данные ещё раз. Заведующий решил, что ему не верят. Разубедить его оказалось труднее, чем устоять.

В коридоре обсуждали сломанный принтер. В комнате отдыха кто-то доедал чужой йогурт. Молодая лаборантка плакала над заявкой на грант, потому что забыла прикрепить один документ и теперь была уверена, что её научная карьера закончена. Адам помог восстановить заявку из черновиков. Это заняло одиннадцать минут. Ему понравилось, что существовала проблема, которую можно было решить за одиннадцать минут.

Когда он вышел из института, уже стемнело. Снег вдоль дороги почернел, воздух пах мокрым асфальтом, и где-то в глубине двора школьники гоняли мяч, несмотря на холод. У магазина Адам остановился. Марина утром просила купить молоко. Он достал телефон, проверил сообщения и обнаружил от неё список из семнадцати пунктов. Следом шло уточнение:

Хлеб не покупай. Он уже есть.

Ещё через минуту:

Но этот несъедобный. Купи другой.

Адам взял молоко, хлеб и апельсины. Потом, немного подумав, добавил упаковку кофе.

***

Когда он вернулся, Марина сидела на полу посреди комнаты. Вокруг неё лежали раскрытые коробки с бумагами Виктора. Адам остановился в дверях. Девять месяцев они жили среди этих коробок, но ни один не предложил открыть их. Адам говорил себе, что всё важное уже нашёл: блокноты отца привели его к двери, Каиру, Марине и правде о дранкори. Марина держала в руках фотографию. Адам узнал её сразу.

Ему было лет семь. Он сидел у Виктора на плечах, вцепившись обеими руками в его волосы. Марина стояла рядом и смеялась, глядя не в объектив, а на них.

— Я не помню, кто снимал, — сказала она.

Адам поставил пакеты на пол.

— На обороте написано.

Марина перевернула снимок.

— Хаддад. Конечно. Конференция.

Она произнесла это с уверенностью и тут же нахмурилась, словно проверяла, вернулось ли воспоминание или она только прочитала подсказку.

Марина перечитала дату под именем. Почерк был её; самого движения руки она не помнила.

Адам придвинул фотографию. Имя Хаддада он читал в отчётах о Египте, но до этой минуты не связывал руководителя экспедиции с человеком по ту сторону семейного снимка.

— Вы были знакомы?

— Самир приезжал на конференцию. Виктор повёл его показывать город. Кажется, мы в тот день так никуда и не дошли.

Адам сфотографировал надпись на обороте и отправил Лее. Спросил, есть ли новости о тех, кто спустился в зал с Глебом. Ответ пришёл не сразу: имена есть, маршрута после исчезновения нет; нижняя часть египетского узла по-прежнему закрыта. Лея попросила сохранить оригинал снимка.

Он поставил телефон рядом с коробкой.

— Я почти ничего не помню о том дне.

— Я тоже.

Она положила фотографию на крышку коробки. Рядом стоял ноутбук. Адам заметил открытый файл и по последнему кадру узнал запись Виктора: отец сидел перед камерой, сняв очки.

— Ты уже посмотрела?

— Дошла до того места, где он говорит о твоей статье. Потом остановила.

Адам поставил молоко на кухне. Вернулся, сел на пол рядом с ней и потянул ноутбук к себе.

— Мы собирались вместе.

— Я помню.

Он вернул запись к началу. Виктор поправил очки, нашёл платок. Адам знал каждое движение и всё равно ждал, что отец сейчас заметит их перед экраном. Марина смотрела, прижав пальцы к колену. Когда Виктор заговорил о первой статье сына, она повернулась к Адаму, но тот не смог ответить ей взглядом.

Файл закончился. В комнате ещё слышался вентилятор ноутбука. Марина коснулась клавиши, остановив автоматический повтор.

— Он рассказывал обо мне?

— Иногда.

— Хорошее?

Адам встал, снял куртку, повесил её и только потом ответил:

— Разное.

Марина кивнула.

— Ты его ненавидел? — спросила она.

— Долго.

— Из-за меня?

— Из-за того, что он не мог объяснить, почему тебя нет. Из-за его записей. Из-за людей, которых он видел повсюду. Из-за того, что рядом с ним невозможно было быть просто ребёнком.

— А потом?

Адам посмотрел на коробки.

— Потом понял, что он говорил правду.

— Это не то, что я спросила.

— Другого ответа у меня нет.

Марина провела пальцем по краю фотографии.

— Я оставила вас обоих.

— Ты скрывалась от хранителей.

— Одно не отменяет другого.

— Если бы ты не сделала этого, меня могло не быть.

— Адам. Не оправдывай меня только потому, что нашёл.

Он сел напротив неё. Между ними осталась открытая коробка Виктора. Сверху лежал лист с незаконченными расчётами и короткой записью на полях: «Марина считала иначе». Даже спустя годы отец продолжал спорить с женщиной, которую весь мир считал мёртвой.

— Я не знаю, что должен чувствовать, — сказал Адам.

— Ничего не должен.

— Удобный ответ.

— Честный. Я двадцать семь лет отсутствовала. Нельзя вернуться и потребовать, чтобы другой человек немедленно стал твоим сыном.

— Я твой сын.

— Я знаю. Но ты жил без меня дольше, чем со мной.

— И что мне с этим делать?

— Я не знаю, Адам. Вот чего я не знаю.

Адам посмотрел на её молодое лицо, потом на остановленную запись.

— Завтра можно разобрать ещё одну коробку, — сказал он. — Если хочешь.

— Хочу.

— И кофе я сам сварю.

Марина медленно кивнула.

— Хорошо.

Она собрала фотографии в аккуратную стопку. Одну оставила между ними. Виктор на ней держал сына на плечах и смотрел на Марину так, будто ещё верил, что сможет сохранить эту семью одним усилием воли.

***

Адам проснулся в три семнадцать. Несколько секунд он лежал неподвижно, глядя в темноту и пытаясь понять, что именно его разбудило. Сквозь кровать и пол поднималось слабое давление. Можно было принять его за движение грузовика или далёкую работу метро — если бы не отклик в груди, там, где всё замерло девять месяцев назад. Он сел. Давление повторилось. Медленная волна прошла снизу вверх, задержалась под грудиной и исчезла. Адам спустил ноги на пол. Паркет был тёплым. Тепло шло из глубины дома, ровное и чужое.

Он вышел в коридор. Дверь комнаты Марины уже была открыта. Она стояла на кухне босиком, положив ладонь на стол. Перед ней находился стакан воды. По поверхности расходились едва заметные круги.

— Ты тоже почувствовала? — спросил Адам.

— Тихо.

Марина не смотрела на него. Взгляд был прикован к воде. Новая волна прошла через дом. Стекло тонко звякнуло. Адам подошёл ближе. Это отличалось от знакомой ошибки руки. Та приходила коротко, без предупреждения, и не оставляла направления. Сейчас давление возвращалось через равные промежутки. Адам накрыл ладонью край стола; дерево было неподвижно, а вода всё равно дрожала.

— Это Резерв? — спросил он.

Марина покачала головой.

— Резерв — только один узел.

— Тогда город подо льдом.

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

Она наконец подняла на него глаза.

— По одному узлу так не расходится. Посмотри на интервалы.

Волна повторилась. Глубоко под ними отзывался не один город. Импульсы накладывались друг на друга. Марина считала, едва шевеля губами. На третьем повторе Адам уже ждал следующего — и именно тогда испугался, что сам сможет невольно ответить. Телефон Адама ожил на столе. Сначала пришло сообщение от Леи.

Ты это чувствуешь?

Потом от Каира.

Не отвечай.

Третье уведомление пришло по служебному каналу города. Вместо текста программа наблюдения за узлом показала ветвящийся знак — тот самый, который Адам впервые увидел под кожей Глеба Северина. Знак держался меньше секунды. Затем исчез. Давление оборвалось вместе с ним. Вода в стакане успокоилась. Паркет снова стал холодным. За стеной включился холодильник, и с улицы донёсся шум поздней машины. Марина взяла телефон, просмотрела системные данные и тихо выругалась на мёртвом языке.

— Что? — спросил Адам.

— Каир прислал подтверждение внешнего приёма.

— Но сеть ответила ему.

— Да.

— Откуда он пришёл?

Она медленно повернулась к окну. За стеклом висело московское небо — низкое, серое от отражённого городского света. Звёзд не было видно.

Но оба посмотрели вверх.

— Извне, — сказала Марина.

Адам положил телефон экраном вверх. Каирово «Не отвечай» ещё светилось в списке сообщений. Они простояли у стола, пока вода в стакане совсем не успокоилась.

Глава 2. Не произнося главного

За девять месяцев Лея Марен научилась писать величайшую историю в мире, не называя ни одного важного слова.

В её статьях не было дранкори.

Не было города под антарктическим льдом, планетарного разума и существа, выносившего приговоры мирам. Не было AURIX, десятилетиями собиравшей детей с общей меткой в крови, и человека, который изменил древний приказ. Вместо всего этого были вопросы. Почему независимые лаборатории на трёх континентах обнаруживают в человеческом геноме одинаковые участки, происхождение которых не удаётся объяснить обычным наследованием?

Почему геологические исследования Антарктиды раз за разом показывают подо льдом структуры, слишком правильные для природных образований?

Может ли кристаллическая порода хранить информацию дольше любой созданной человеком системы?

Раньше Лея сочла бы это трусостью. Теперь называла подготовкой. В час семнадцать ночи она сидела перед четырьмя мониторами в берлинской квартире и наблюдала, как подготовка перестаёт успевать за происходящим. На левом экране была открыта новая статья. Заголовок менялся одиннадцать раз и сейчас звучал достаточно скучно, чтобы не испугать никого:

«Память камня: может ли планета хранить следы жизни?»

На центральном экране шли данные с геологических станций. Официально Лея не имела к ним доступа. Неофициально один специалист из Рейкьявика считал, что любое правительство, пытающееся засекретить движение земной коры, заслуживает того, чтобы его пароли лежали в текстовом файле под названием «новые пароли». Справа работала карта, которую собрал Каир. На чёрном фоне медленно пульсировали точки известных узлов: Антарктида, Сибирь, Египет и ещё девять мест, о которых человечество пока не знало.

До этой ночи большинство точек оставались серыми. Теперь они загорались одна за другой. Не ярко. Всего на долю секунды. В порядке, которого Лея не понимала, но который явно не был случайным. Патагония. Гренландия. Дно Индийского океана. Север Канады. Монголия. Снова Антарктида. Лея потянулась к телефону и написала Адаму:

Ты это чувствуешь?

Ответа не было. Она не ждала. Открыла защищённый канал, через который могла связаться с Нарой, но индикатор показал, что адресат вне сети. Каир появился на несколько секунд, передал короткий массив данных и тоже исчез. На четвёртом экране замерла запись сейсмического сигнала. Лея увеличила её. Обычный толчок расходится от одной точки. Даже самый сильный имеет источник, направление и время, необходимое волне, чтобы добраться до удалённых станций. Этот пришёл сразу отовсюду.

В 01:17:11 по берлинскому времени приборы в восьмидесяти трёх точках мира зафиксировали одинаковое слабое колебание. Не похожее на землетрясение, взрыв или работу промышленного оборудования. Сигнал длился двадцать семь секунд, затем оборвался. Через четыре секунды после начала колебания его повтор зарегистрировали радиотелескопы. Кто-то постучал. Земля ответила. Телефон завибрировал. Адам прислал одно слово:

Да.

Почти сразу следом пришло второе сообщение:

Каир велел не отвечать.

Лея посмотрела на карту: последняя точка снова стала серой.

— Прекрасно, — произнесла Лея пустой комнате. — Девять месяцев без конца света были чрезмерной роскошью.

Она сохранила данные в трёх местах, отправила копию на сервер, которого не было ни в одном официальном реестре, и вернулась к статье. До встречи с Международной комиссией оставалось восемь часов. Спать не имело смысла. Лея перечитала первый абзац, нашла слово «невозможный» и удалила его.

***

Международная комиссия по аномальным геологическим объектам занимала три этажа здания, которое раньше принадлежало частному банку. Банки и комиссии строили помещения по одному принципу: много стекла, дорогой камень и ни одной поверхности, на которой посетитель мог бы почувствовать себя уверенно. У входа у неё забрали телефон. На втором посту попросили оставить часы. На третьем проверили сумку и особенно заинтересовались бумажным блокнотом.

— В нём записи, — объяснила Лея.

— Мы видим.

— Тогда зачем спрашиваете?

Сотрудник охраны не ответил. Он перелистал блокнот, не понимая её сокращений, и вернул. Комиссию создали шесть месяцев назад. Официально она занималась координацией полярных исследований после серии необычных сейсмических событий. На её сайте были фотографии ледников, биографии учёных и заявление о международном сотрудничестве. Ни слова о вооружённых людях, покинувших Антарктиду без опознавательных знаков. Ни слова о технике AURIX, найденной в Сибири.

Ни слова о людях, которых под видом медицинской помощи свозили в северный Резерв. Некоторые семьи нашли своих только после его открытия. Лею провели в переговорную без окон. За столом её ждала доктор София Реннер — физик, дипломат и, если верить официальной биографии, человек, никогда не занимавшийся ничем секретным. Ей было около пятидесяти. Она носила тёмный костюм без единого украшения и не держала перед собой ни папки, ни планшета.

— Госпожа Марен.

— Доктор Реннер.

— Благодарю, что пришли.

— Ваши люди звонили шесть раз.

— Семь.

— Седьмой я заблокировала.

Реннер едва заметно улыбнулась.

— Значит, система работает.

Она предложила Лее кофе. Лея отказалась. После бессонной ночи ей требовался кофе, но принимать что-либо от людей, отобравших часы, казалось неправильным началом переговоров.

— Вы понимаете, зачем вас пригласили? — спросила Реннер.

— Хотите похвалить мою последнюю статью.

— Она ещё не опубликована.

Лея выдержала короткую паузу. Реннер не изменилась в лице.

— Тогда вы хотите похвалить меня заранее.

— Мы хотим предложить сотрудничество.

— Кто такие «мы»?

— Четырнадцать государств, две международные научные организации и комитет, созданный для предотвращения паники в случае обнаружения объектов неизвестного происхождения.

Реннер подождала, пока Лея запишет число государств.

— Мы можем гарантировать вам неприкосновенность, доступ к данным и возможность участвовать в формировании публичной позиции.

— В обмен на что?

— На ваши материалы.

— Какие именно?

— Все.

Лея закрыла блокнот.

— Список источников?

— Да.

— Местонахождение доктора Астафьева?

— Оно нам известно.

— Тогда зачем спрашивать?

— Чтобы понять, готовы ли вы сотрудничать.

— Это называется проверкой лояльности. Сотрудничество устроено иначе.

Реннер сцепила пальцы на столе.

— Девять месяцев назад на территории России произошло событие, которое наблюдали системы раннего предупреждения нескольких стран. Одновременно с этим были зафиксированы изменения в Антарктиде, Северной Африке и Тихом океане. Правительства получили данные, которые невозможно объяснить населению, не вызвав массовой паники.

— И решили создать ещё одну организацию, которая будет хранить молчание.

— Решили выиграть время.

— Что вы знаете? — спросила Лея.

— Достаточно, чтобы понимать масштаб угрозы.

— Это не ответ.

— Мы знаем, что под Антарктидой находится искусственный объект. Знаем, что он связан с другими структурами. Знаем, что часть человеческой популяции способна взаимодействовать с ними. И знаем, что вы были внутри одного из объектов.

— Откуда?

— Это не имеет значения.

— Тогда вы знаете недостаточно. Источник информации всегда имеет значение.

— Некоторые люди, работавшие на AURIX, решили помочь нам.

Лея не записала этого.

— Помочь вам, — повторила она.

— У организации были научные подразделения. Не каждый сотрудник участвовал в преступлениях.

— Но каждый привык, что правда принадлежит тому, у кого лучше охрана.

Реннер замолчала. Лея знала этот приём и ждала. Через двадцать секунд Реннер заговорила первой.

— Сегодня ночью произошло новое событие.

— Я знаю.

— Мы зафиксировали одновременный импульс на восьмидесяти трёх станциях, — продолжила она. — Четыре секунды спустя сходная структура появилась в радиодиапазоне. Вероятность случайного совпадения практически отсутствует.

— Тогда зачем вам я? Нанимайте физиков.

— Физики не получали сообщения от человека, которого вы называете Каиром.

Лея почувствовала холод, но не позволила ему добраться до лица. Она не произносила имя Каира по телефону. Не использовала его в открытых сообщениях. Защищённый канал строил он сам, и до этой минуты Лея считала его безопасным.

— Не знаю, о ком вы говорите.

— Знаете.

— Тогда вам снова не нужна моя помощь.

— Нужна. Потому что сегодняшняя последовательность завершилась сигналом, который мы не можем расшифровать. А у вас есть люди, способные это сделать.

Реннер положила на стол фотографию. Снимок был сделан в Сибири. Плохой угол, снег на объективе, изображение увеличено до зернистости. Но Адама можно было узнать. Он стоял у входа в Резерв рядом с Мариной.

— Передайте нам доктора Астафьева, — сказала Реннер. — И все сведения о женщине рядом с ним.

— Она учёный.

— Она официально умерла двадцать семь лет назад.

— У науки ненормированный рабочий день.

Реннер не улыбнулась.

— Мы не хотим причинять им вред.

Она придвинула фотографию к Лее.

— Мы хотим, чтобы человечество участвовало в решениях, затрагивающих его будущее.

— Четырнадцать правительств — ещё не человечество.

— А Адам Астафьев — человечество?

Лея посмотрела на фотографию.

— Нет, — сказала Лея. — Но ваше предложение пока не даёт ему замены.

Реннер чуть подалась вперёд.

— У нас заканчивается время.

— Тогда перестаньте тратить его на попытки забрать мои источники.

Она поднялась.

— Предложение останется в силе сорок восемь часов, — сказала Реннер. — После этого события могут сделать сотрудничество обязательным.

У двери Лея остановилась.

— Один вопрос. Вы прочитали мою статью до публикации. Как?

— Госпожа Марен, вы не единственный человек, который умеет находить открытые двери.

— Тогда вы понимаете, почему я не принесу сюда архив.

Она вышла, не попрощавшись.

***

Ноутбук в квартире встретил её предупреждением о неудачной попытке входа. Попытка была не одна. Кто-то проверил рабочую почту, облачное хранилище и резервный сервер. Не взломал — или хотел, чтобы она так думала. Следы были оставлены аккуратно, почти вежливо. Лея сменила ключи доступа и изолировала рабочий архив. Потом открыла статью и перечитала её.

В ней рассказывалось о минералах, способных сохранять структурные изменения сотни миллионов лет. О независимых геологических аномалиях. Об экспериментах, в которых кристаллы удерживали сложные колебательные последовательности дольше, чем предполагали существующие модели. В последнем абзаце стояла фраза: «Возможно, мы ошибались, считая геологическую историю Земли немой». Лея долго смотрела на неё. Потом нажала «Опубликовать».

Материал появился одновременно на четырёх языках. Через пять минут его перепечатали два научных издания. Через одиннадцать кто-то назвал статью попыткой привлечь внимание к давно известным свойствам кварца. Через восемнадцать появилась шутка о том, что теперь камни смогут давать интервью. Читатели спорили о методике, обвиняли друг друга

в невежестве, пересылали картинки и постепенно допускали мысль, которая девять месяцев назад показалась бы безумием: планета может хранить нечто похожее на память.

Закрыв канал публикации, Лея отключила рабочий ноутбук от интернета. На соседнем экране продолжала работать карта Каира: отдельный приёмник принимал только сводки города, без доступа к её архиву. Пришёл отложенный пакет. Восемьдесят три красные точки повторили расположение сейсмических станций. Под картой появилась строка перевода:

ПЕРВЫЙ ОТКЛИК ЗАРЕГИСТРИРОВАН. ОЖИДАЕТСЯ ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Следующая сводка уже закрывала прежнюю. Лея остановила обновление.

В правом нижнем углу шёл отсчёт: до следующего отклика оставалось чуть меньше тридцати суток. Под цифрами Каир оставил примечание: «Пересчёт предварительный. Смысл срока не установлен».

Она открыла блокнот и записала срок от руки.

Лея записала и примечание. Потом открыла календарь. В клетке через месяц стояла встреча с редактором — тот всё ещё хотел понять, почему она держит у себя лучшую историю за всю его жизнь. Она не стала отменять встречу.

Глава 3. Сон, которого не было

Майя перестала рисовать двери.

Клэр заметила это не сразу.

Первые недели после возвращения они обе учились жить в доме, из которого однажды пришлось бежать. Меняли замки, задёргивали шторы раньше, чем темнело, просыпались от шума машины под окнами. Потом однажды Клэр остановилась перед кухонной стеной и поняла, что среди приклеенных листов больше нет коридоров без углов, бледных башен и знаков, напоминающих ветви. Там появились лошади.

Одна стояла под огромным жёлтым солнцем. Другая скакала по зелёному полю, занимавшему почти весь лист. Третья получилась слишком длинной, с шестью ногами, и Майя объявила её неудачной, хотя Клэр всё равно повесила рисунок рядом с холодильником. Девять месяцев Клэр не снимала эти листы. Она боялась, что двери вернутся, если освободить для них место. Утром после сигнала Майя проснулась раньше будильника.

За окном моросил дождь. Вода стекала по стеклу тонкими дорожками, соседский кот сидел на кирпичной ограде и с выражением личного оскорбления смотрел на мокрый двор. Дом был тихим. Майя прислушалась. Мама находилась на кухне. Не двигалась, только иногда касалась чашкой стола. Значит, опять почти не спала и теперь пыталась делать вид, что всё нормально. Она выбралась из кровати, надела носки и пошла вниз.

Клэр сидела за столом в халате. Перед ней лежал телефон, а рядом — блокнот, открытый на чистой странице. На столешнице стояли три стакана с водой.

— Зачем тебе три? — спросила Майя.

Клэр вздрогнула.

— Я не слышала, как ты спустилась.

Майя ещё раз посмотрела на стаканы.

— Проверяла кое-что, — сказала Клэр.

Майя посмотрела на стаканы. Вода во всех трёх была спокойной.

— Они звенели ночью?

Клэр очень медленно отодвинула телефон.

— Ты слышала?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

Майя пожала плечами. Она не помнила, как просыпалась. Но короткий звон стекла всё же оставался в памяти, хотя Майя считала, что спала всю ночь. И свет из коридора под закрытыми веками. Мама могла заходить к ней, а она — не проснуться до конца. Майя попробовала отделить одно воспоминание от другого и не смогла.

— Просто догадалась, — сказала она.

Мама смотрела слишком внимательно.

— Тебе что-нибудь снилось?

— Нет.

Клэр убрала стаканы, вылила воду и достала из шкафа миску.

— Хлопья или тосты?

— Хлопья.

— Шоколадные закончились.

— Тогда тосты.

Майя села за стол и подтянула к себе блокнот.

— Можно?

— Конечно.

Она взяла карандаш, лежавший рядом с телефоном, и нарисовала лошадь. Начала с головы, потом добавила спину, ноги и длинный хвост. Передние ноги снова получились разной длины, но в этот раз Майя решила, что так даже лучше: лошадь будто бежала. Клэр поставила перед ней тосты.

— Красиво.

Майя хотела дорисовать траву. Карандаш коснулся бумаги — и рука остановилась. На одно короткое мгновение кухня исчезла. Майя по-прежнему видела стол, тарелку и мамину руку с ножом для масла. Но поверх них появилось другое пространство. Чёрное. Очень большое. Там не было пола, стен и воздуха. Только далёкие неподвижные огни и тонкая дуга чего-то синего, почти потерявшегося среди темноты. Это была Земля. Карандаш сломался. Кухня вернулась. Клэр положила нож.

— Майя?

— Всё нормально.

Майя посмотрела на лист. Вместо травы под лошадью тянулась чёрная линия. Она проходила через весь рисунок, загибалась у края страницы и заканчивалась маленьким кругом. Майя не помнила, как её нарисовала. Она быстро перевернула страницу.

— Карандаш сломался.

Клэр присела рядом.

— Это всё?

— Да.

Мама несколько секунд ждала продолжения. Потом встала и достала новый карандаш из ящика.

***

В школу её отвезла женщина по имени миссис Кроуфорд. Официально она работала помощницей Клэр и несколько раз в неделю забирала Майю после уроков. На самом деле её прислала Лея. Миссис Кроуфорд умела замечать машины, которые слишком долго держатся позади, знала всех полицейских в районе по именам и никогда не садилась в кафе спиной ко входу. Ещё она пекла ужасное овсяное печенье и обижалась, когда Майя отказывалась его есть. Сегодня машина была другой.

— А где синяя? — спросила Майя.

— В мастерской.

— Вчера она была нормальная.

— Проверка тормозов.

— Ты всегда говоришь «проверка тормозов», когда меняешь машину.

Миссис Кроуфорд посмотрела на неё в зеркало.

— А ты всегда задаёшь слишком много вопросов до восьми утра.

— Сейчас восемь двенадцать.

— Тогда у меня нет оправдания.

Клэр стояла у калитки, пока автомобиль не скрылся за углом. Майя смотрела назад до тех пор, пока не исчез и дом.

***

Первым уроком была математика. Майя решила задачи раньше остальных и сорок минут рисовала лошадиную голову на полях тетради. Вторым — английский. На третьем классу показали фильм о Солнечной системе. Учитель погасил свет. На доске появилось Солнце, слишком яркое для старого проектора, затем планеты, выстроенные в аккуратный ряд. Земля была размером с пуговицу.

— В действительности расстояния намного больше, — объяснял мистер Хьюз. — Если бы мы сохранили масштаб, Нептун находился бы далеко за пределами школы.

— А дальше? — спросил кто-то.

— Дальше тоже не пусто. Есть пояс Койпера, карликовые планеты, кометы. А ещё дальше начинается область, о которой мы знаем значительно меньше.

На экране появилась фотография Земли из космоса. Голубой шар висел в темноте. На нём белели облака и угадывался край материка. Майя почувствовала запах. Металл после дождя. Так пахло в антарктическом городе, хотя там никогда не шёл дождь. Она вцепилась пальцами в край парты. Фотография на экране изменилась. Земля уменьшилась. Луна стала маленькой светлой точкой. Потом исчезла и она. Солнце сжалось до далёкой звезды.

Майя знала, что фильм этого не показывает. Слышала голос мистера Хьюза, продолжавшего рассказывать о космических аппаратах, видела перед собой головы одноклассников. Но другое воспоминание уже развернулось внутри обычного класса. Она смотрела на Солнечную систему снаружи. Не глазами. У места, в котором она находилась, словно не было глаз. Свет, движение и тепло приходили вместе, не складываясь в привычную картинку. Майя пыталась найти собственные руки и находила край школьной парты.

Планеты шли вокруг Солнца медленными кругами. Большие оставляли за собой тяжёлые следы. Маленькие почти терялись. Землю можно было не заметить среди них — крошечную, молодую, шумную. Оно смотрело только на неё. Майя попыталась отвернуться и не смогла. Она не была здесь раньше. Но последовательность разворачивалась с упрямством знакомого сна: вот сейчас маленькая Земля вспыхнет.

Вспышка пришла. На миг в ней появились Адам и холодный зал, где Майя ждала маму. Затем всё исчезло, кроме далёкой синей точки. Майя не знала, сколько времени прошло между этими обрывками. Ей казалось, что там, откуда она смотрит, задержали дыхание. Она сама задержала его тоже.

Где-то в черноте открылось нечто огромное.

На мгновение она увидела ряды слабых огней. Их было столько, что они казались ещё одним звёздным небом. Каждый светился своим цветом. Некоторые почти погасли. Другие дрожали, будто старались что-то сказать сквозь толщу, которую не могли преодолеть. Один огонь стал ярче. Майя испугалась, что её заметили.

— Майя!

Она резко вдохнула. Класс снова стал классом. Мистер Хьюз стоял рядом с её партой. Свет уже горел. Одноклассники обернулись и смотрели на неё.

— Ты меня слышишь?

Майя разжала пальцы. На ладонях остались красные следы от края парты.

— Да.

— Тебе плохо?

— Нет.

— Ты не отвечала.

Майя посмотрела на экран. Там снова была обычная фотография Земли, снятая человеческим аппаратом. Красивая, далёкая и совсем не похожая на ту маленькую живую точку, которую она только что видела из темноты.

— Я вспомнила, — сказала Майя.

— Что вспомнила?

— Ничего, — сказала она. — Просто задумалась.

— Я позвоню твоей маме.

— Не надо.

Он уже шёл к своему столу. Майя открыла тетрадь и перевернула страницу. Лошади там больше не было. На бумаге появилась Земля — крошечный круг у самого края. Вокруг неё шли семь тонких линий. Они сходились в одну точку далеко за пределами нарисованных планет. Под рисунком остался вдавленный след карандаша. Майя провела по нему ногтем и закрыла тетрадь.

***

Клэр приехала через двадцать минут. Она вошла в приёмную школы без пальто, хотя на улице шёл дождь. Волосы намокли, на одной ноге был домашний носок, натянутый под ботинок. Значит, мама выбежала сразу после звонка.

— Я в порядке, — сказала Майя прежде, чем Клэр успела подойти.

Мама опустилась перед ней на колени и взяла за руки.

— Что произошло?

— Ничего плохого.

— Учитель сказал, ты перестала отвечать.

— Ненадолго.

— Учитель говорит, три минуты.

Майя посмотрела на секретаря за стойкой. Та притворялась, что заполняет бумаги, и очень внимательно слушала.

— Пойдём домой, — сказала Майя.

Клэр поняла. Она не задала больше ни одного вопроса, пока они не оказались в машине. Миссис Кроуфорд вела. Клэр сидела рядом с Майей на заднем сиденье и держала её за руку. Держала слишком крепко, но Майя не жаловалась.

— Это был сон? — спросила мама, когда школа осталась позади.

— Нет.

— Там всё было как будто раньше, — сказала Майя. — Я пыталась повернуться, а оно продолжалось.

Клэр посмотрела на миссис Кроуфорд. Та не повернула головы, но сделала радио громче, создавая вокруг них шум.

— Что произошло? — тихо спросила Клэр.

— Адам говорил с Тьмой.

— Мы знаем.

— Нет. Я видела с другой стороны.

— С какой стороны?

Майя указала через заднее стекло на серое небо.

— Оттуда.

— Ты видела Тьму?

Майя задумалась.

— Не всю. Наверное, у неё нет всей сразу.

Она достала тетрадь и раскрыла страницу с рисунком. Семь линий вокруг Земли казались теперь слишком аккуратными для её руки.

— Там что-то есть внутри, — сказала Майя. — Много маленьких светов. Они не звёзды.

— Что тогда?

— Не знаю. Мне показалось, один меня увидел.

Клэр прижала её руку к себе.

— Мы позвоним Лее.

— Она расскажет Адаму.

— Да.

— Адам расскажет Марине. Потом узнают Нара и Каир. Потом приедут люди, будут задавать вопросы и снова захотят проверить мою кровь.

— Я не дам увезти тебя на проверку.

— В прошлый раз тоже не хотела.

Клэр ослабила хватку. На пальцах Майи остались красные пятна.

— Да. Не хотела и не смогла остановить. Поэтому сейчас мы сначала договоримся. Кому ты готова рассказать?

Майя посмотрела на рисунок.

— Лее, — решила Майя. — Только ей. А она пусть сначала приедет.

— Хорошо.

— И без врачей.

— Без врачей.

Майя закрыла тетрадь. Машина остановилась на светофоре. Капли ползли по стеклу, собирались вместе и исчезали за резиновой кромкой. В отражении Майя увидела собственное лицо. И за ним — на одно мгновение — снова появилась Земля. Маленькая синяя точка в огромной темноте. Теперь вокруг неё расходилась новая волна. Та самая, которая ночью заставила звенеть стаканы на кухне и разбудила узлы глубоко под камнем. Волна прошла мимо точки, из которой Майя смотрела. Точка повернулась вслед за ней.

Она оставалась на месте, но смотрела внимательнее.

Отражение исчезло.

Загорелся зелёный свет, машина тронулась, а Майя ещё долго смотрела на серое небо над Манчестером.

Дома Майя попросила не снимать со стены лошадей. Клэр ответила, что и не собиралась.

Глава 4. Первый проснувшийся

Камера открылась без разрешения.

За девять месяцев антарктический город выполнил тысячи команд. Зажёг коридоры, запечатанные со времён Пангеи. Поднял температуру в жилых кольцах. Проверил воздух, воду и целостность камер, где спала основная часть народа дранкори.

Но ни разу не начинал размораживание без проверки запасов и дежурной группы. Теперь вызов пришёл уже после запуска. Нара находилась в западном архиве, когда по стенам прошёл низкий синий свет. Он не вспыхнул, а перетёк из одной жилы выращенного камня в другую, складываясь в знаки, знакомые ей по записям последнего дня Первого мира.

ПРИОРИТЕТНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ.

КОНТУР СЕМЬ. КАМЕРА 6413.

Ниже появился третий знак. Приказ явиться.

— Нет, — сказала Нара.

Свет погас в архиве и возник дальше по коридору, указывая путь. Нара закрыла человеческий планшет с отчётом о повреждениях ледяного купола и вышла из архива. В коридоре её уже ждал Каир. Он пришёл в человеческом облике: тёмное пальто поверх одежды, покрытой ледяной пылью, руки без перчаток. Только глаза выдавали то, что под привычной формой находилось нечто гораздо старше человека. Зрачки сузились от синего света и не вернулись к человеческой форме.

— Ты приказал открыть камеру? — спросила Нара.

— Я хотел спросить тебя о том же.

— Иссара?

— Идёт сюда. Не она.

Они посмотрели на знаки в стене.

— Сигнал, — сказала Нара.

Каир коснулся ближайшей световой жилы двумя пальцами. Камень ответил тихим гулом.

— Не сам сигнал. То, что город распознал внутри него.

Свет двинулся дальше. Нара пошла за ним. Каир задержался на секунду, всё ещё касаясь стены.

— Что? — спросила она.

— Команда на размораживание появилась раньше зарегистрированного импульса.

Нара остановилась.

— Насколько раньше?

— На четыре секунды.

Нара посмотрела в сторону нижних колец.

— Значит, он знал?

— Значит, у нас две записи с разницей в четыре секунды. Сначала проверим время и старые условия запуска.

Они продолжили путь.

***

За девять месяцев город изменился. Для создания, прожившего четверть миллиарда лет во сне, девять месяцев были короче вдоха. Но теперь в коридорах жили люди. Люди с поверхности, не дранкори в человеческом облике: геологи, врачи, инженеры. Двадцать семь человек, отобранных так тщательно, будто осторожность могла превратить доверие в измеряемую величину.

Они проложили вдоль стен кабели, поставили переносные лампы там, где древний свет оставался слабым, и приклеили бумажные указатели с названиями секторов. Город мог прове-

сти любого дранкори через свои кольца одной переменой света. Людям требовались стрелки и надпись «МЕДИЦИНСКИЙ БЛОК» на трёх языках. У входа в седьмой контур стояли четверо людей в защитных костюмах. За прозрачным щитком старшего врача Нара узнала доктора Сато, специалиста по реанимации.

— Мы ничего не запускали, — сказал он вместо приветствия. — Система заблокировала внешний контроль и подняла температуру внутри камеры на двенадцать градусов.

— Состояние спящего?

— Если наши приборы вообще понимают, что измеряют, стабильное. Сердечный ритм ускоряется. Активность мозга…

Сато посмотрел на график.

— Не знаю, как это описать.

— Он проснулся раньше тела.

— Давно?

— Возможно, несколько часов назад. Возможно, вчера. Мы не умеем читать нижний диапазон.

Нара подошла к прозрачной перегородке. За ней тянулся зал камер. Сотни продолговатых ниш уходили вдоль стен и исчезали в темноте. Большинство оставались закрытыми: матовыми, холодными, без единого признака движения. Камера 6413 светилась. Синий цвет постепенно сменялся тёплым золотистым. Внутри угадывался высокий силуэт: длинные конечности, прижатый к позвоночнику гребень, хвост, уложенный вдоль тела. Чешуя казалась почти белой под светом камеры.

Иссара проснулась ещё в Резерве. После неё возвращались другие, но пробуждение шло медленно: камеры отличались и по повреждениям, и по тому, сколько сил оставалось у спящих. Сато отказался принимать следующего, пока для предыдущего не было устойчивого тепла, воды и свободного места. Нара спорила с ним о сроках, но ни разу не отменила его решение.

— Кто он? — спросил Сато.

— Система не показывает имя, — ответила Нара.

Каир стоял рядом и тоже не узнавал силуэт. Свет в зале изменился. Камера открывалась. Не было крышки, швов или механических замков. Поверхность ниши стала прозрачной, затем истончилась и ушла в стену. Изнутри вырвался тёплый влажный воздух. Существо сделало первый вдох. Грудная клетка поднялась резко, будто тело вспомнило дыхание раньше, чем успело понять, зачем оно нужно. Пальцы дрогнули. Гребень медленно отделился от спины. Дранкори открыл глаза.

Они были золотистыми, с узкими вертикальными зрачками. Взгляд сначала не удерживался ни на чём, скользил по свету и стенам. Потом остановился на людях. Гребень поднялся выше. Существо попыталось встать. Ноги не удержали его. Оно опустилось на край ниши, вцепившись когтями в выращенный камень. Доктор Сато шагнул к проходу, но Нара подняла руку.

— Не сейчас.

— Ему нужна помощь.

— Для него вы ещё не существуете.

Нара вошла в зал одна. Тёплый воздух пах минералами и старой водой. Золотой свет ложился на гладкие стены и тусклую чешую проснувшегося. Она остановилась в нескольких шагах.

— Ты в безопасности, — сказала Нара на первом языке.

Дранкори резко повернул голову.

— Назови себя, — потребовал он.

— Нара.

Он изучил её лицо, руки, человеческое тело.

— Это не имя оболочки.

— Нет.

— Сними её.

— Я останусь так. Врачи должны понимать меня, когда я говорю с ними.

Золотые глаза сузились.

— Тогда докажи род.

Нара протянула руку к стене и передала короткую последовательность: личную подпись, линию памяти, право доступа. Камень принял её и на мгновение осветил ладонь изнутри. Проснувшийся следил за знаком.

— Изгнанная, — сказал он.

— Этого слова нет в моей подписи.

— Значит, прошло больше времени, чем обещали.

— Да.

— Сколько циклов?

— Материк раскололся.

Он не понял.

— Какой материк?

— Единственный.

Проснувшийся посмотрел на стену, будто ожидал, что город исправит её ложь.

— Аруун?

— Исчез.

— Море?

— Другое.

— Небо?

Нара задержалась с ответом.

— Снова чистое. Пока.

Он закрыл глаза. Гребень медленно опустился.

— Имя, — сказала Нара. — Мне нужно твоё имя.

— Ир-Каан. Смотритель седьмого контура.

Он снова открыл глаза.

— Кто запустил пробуждение?

— Мы надеялись, что ты нам скажешь.

— Я не подавал запрос.

— Город открыл камеру после внешнего сигнала.

— Внешнего откуда?

— Из-за пределов планет.

Тело Ир-Каана стало неподвижным.

— Ответ вернулся?

— Внешняя сила осталась в системе, — сказал вошедший Каир. — Новым был её сигнал.

Ир-Каан повернул голову к Каиру и уставился на второе человеческое лицо.

— Назови себя.

— Каир.

Ир-Каан попытался подняться снова. На этот раз устоял, опираясь ладонью на стену. Он оказался выше Каира почти на голову. В человеческом обличье древний отступник выглядел рядом с ним слишком маленьким и уязвимым, однако никто в зале не принял бы эту разницу за настоящую. Ир-Каан перевёл взгляд с него на Нару.

— Что с директивой?

— Она изменена.

— Кем?

— Наследником.

— Чьим?

Каир подошёл к стене и вывел три строки действующего закона.

СМОТРИ.

ЖДИ.

СЛУШАЙ.

Ир-Каан прижал ладонь к камню.

— Третье слово было другим.

— Было, — ответила Нара.

— Кто имел право его заменить?

— Человек вошёл в ядро и изменил основание, — сказала Нара. — Принуждение остановилось. После внешнего контакта наблюдатель отложил решение. Это всё, что мы можем подтвердить.

— Покажи закон целиком.

Каир развернул толкование. Ир-Каан прочёл запрет распоряжаться личностью, потребовал прежнюю версию и долго сравнивал две записи. Защитные контуры сохранялись. Право удерживать отдельную жизнь ради молчания — нет.

— Человек не может войти в ядро.

— Этот смог.

— Тогда он не человек.

— Сам скажет, кто он, — ответила Нара.

— Покажи подпись, — потребовал Ир-Каан.

Каир вывел в стене след Адама: человеческую генетическую линию, древнюю последовательность дранкори и соединявшую их структуру. Знак был несовершенным, живым, не укладывался ни в один реестр Первого мира. Ир-Каан отшатнулся.

— Две линии.

— Один человек, — поправила Нара.

— Кто создал это?

— Марина Астафьева.

Проснувшийся снова посмотрел на людей за перегородкой. На их короткие тела, защитные костюмы, человеческие лица. На доктора Сато, который всё ещё следил за показателями, хотя наверняка хотел войти и начать задавать вопросы.

— Они живут на поверхности?

— Они и есть поверхность.

— Сколько их?

— Около восьми миллиардов.

— Сколько наших проснулось?

— Меньше десяти полностью. Остальные пока спят.

— Хранители?

— Живы.

— Создатели?

— Некоторые.

— Совет?

— Те, кого ты знал, не вернулись к управлению, — сказала Нара. — Приказы исполняли другие хранители. Сейчас мы будим их.

Ир-Каан отвернулся и положил обе ладони на стену. Город узнал смотрителя контура. Свет прошёл вверх по его рукам, обрисовал гребень и разошёлся по залу. Сотни закрытых камер отозвались слабым свечением. Люди за перегородкой попятились.

— Что ты делаешь? — спросила Нара.

— Проверяю последовательность пробуждения.

— Она остановлена.

— Уже нет.

На стене перед Ир-Кааном открылись слои древнего текста. Он читал их быстро, пропуская повреждённые участки. Чем дальше продвигался, тем выше поднимался его гребень.

— Город не выбрал меня, — сказал он.

— Тогда кто?

Ир-Каан коснулся одного знака. Текст исчез. Вместо него возникла печать: круг, пересечённый тремя линиями разной толщины. Иссара вошла в зал именно в этот момент. Сато придержал створку, давая ей пройти. Увидев печать, архивариус остановилась и убрала тяжёлую чешуйчатую ладонь с его предплечья.

— Где ты это нашёл? — спросила она.

Ир-Каан впервые с момента пробуждения посмотрел на кого-то с узнаванием.

— Архивариус.

— Ответь.

— Печать стояла в запросе на пробуждение.

Иссара подошла ближе.

— Этот знак не использовали после Спора.

— Значит, Спор не завершён.

Нара посмотрела на неё.

— Чья это печать?

Иссара не ответила. Её взгляд оставался на круге с тремя линиями. Ир-Каан повернулся к Наре.

— Хранитель Меры жив?

Вопрос изменил воздух в зале. Каир перестал двигаться. Иссара закрыла глаза. Даже город словно приглушил свет, ожидая ответа.

— Он спит, — сказала Нара. — В Глубине Меры. Камера запечатана его собственным приказом.

— Тогда разбудите его.

— Нет.

— Ты не понимаешь.

— Я читала решения Тар-Эна.

Ир-Каан передал печать в нижний контур. Город ответил. Синий свет погас во всём седьмом контуре. Через мгновение далеко внизу, за стенами и километрами древнего камня, загорелась одна золотая точка. Потом вторая. Потом третья. Они выстроились в линию, ведущую к центру города. К Глубине Меры.

— Я передал печать, а не подтверждение пробуждения, — сказал Ир-Каан.

На стене появился новый текст. Его видели все: дранкори, люди, только что проснувшийся смотритель и те, кто слишком долго надеялся, что изменение закона останется без ответа.

ДИРЕКТИВА ИЗМЕНЕНА БЕЗ СОГЛАСИЯ СОВЕТА.

НАЧАТ ПЕРЕСМОТР.

Ниже сохранялся внешний отсчёт: до повторного запроса оставалось меньше тридцати суток. Отдельно город вывел время восстановления камеры. Нара проверила подпись: процедуру пересмотра запустил старый протокол, распознавший изменение директивы. Само пробуждение шло по распоряжению, оставленному спящим.

— Город разбудил меня не для того, чтобы я открыл камеры, — сказал Ир-Каан.

Он смотрел на золотую дорогу в глубину.

— Я должен подготовить его пробуждение.

— Чей приказ? — спросил доктор Сато через переводчик.

На этот раз ответила Иссара.
— Тар-Эна.
Где-то под ними древнейшая запечатанная камера начала нагреваться.

Глава 5. Мёртвый сервер

Мёртвые серверы не рассылают приглашений.

Последние двадцать лет Хелен Морроу учила машины отличать сигнал от шума. После падения AURIX она сама проверяла акты об уничтожении оборудования.

Письмо пришло в 01:17. Без обратного адреса. Без темы. Внутри находились координаты и одна строка:

УЗЕЛ «ОРФЕЙ». ПРОТОКОЛ НЕПРЕРЫВНОСТИ ВОССТАНОВЛЕН.

Телефон лежал на зарядке в ящике. Хелен включала его раз в неделю: на старый номер ещё приходили запросы следствия. Услышав ночью короткий сигнал, она решила, что забыла отключить служебные уведомления.

После письма вынула батарею и до утра лежала, глядя в потолок. В семь позвонила адвокату и перенесла очередную встречу со следователями. В восемь купила билет на поезд. В одиннадцать впервые за девять месяцев пересекла границу. Никто её не остановил.

***

Узел «Орфей» находился под исследовательским комплексом в шестидесяти километрах от Базеля. На поверхности стояли три пустых корпуса с тёмными окнами. Когда-то здесь разрабатывали системы хранения медицинских данных. После банкротства владельца здания несколько лет переходили от одного фонда к другому, пока не оказались у компании, принадлежавшей AURIX через цепочку из девяти юридических лиц. В официальных документах подземных этажей не существовало. Хелен проектировала их сама.

Она оставила машину у закрытых ворот и дальше пошла пешком. Моросил холодный дождь. Дорожка заросла травой, на парковке между трещинами в асфальте пробивались тонкие зелёные стебли. Над главным входом ещё висела вывеска прежней компании. Одна буква отвалилась и лежала внизу, наполовину утонув в грязной воде. У двери её ждали трое.

Томас Бек стоял под козырьком и безуспешно пытался сложить вывернутый ветром дорожный зонт, не понимая, что Хелен наблюдает за ним с парковки. Он отвечал в AURIX за распределённые вычисления и обладал редким талантом объяснять любую ошибку тем, что кто-то неправильно понял его документацию. Рядом была Нур Эльман, нейрофизиолог из Амстердама. Она держала капюшон обеими руками и смотрела на Хелен так, будто ещё решала, обнять её или потребовать объяснений. Третьим оказался Луис Ортега. Хелен удивилась именно ему.

— Вы получили то же письмо, — сказала она.

— Это вы нас вызвали?

— Нет.

— Тогда кто?

Хелен посмотрела на тёмные окна.

— Сейчас узнаем.

Луис не двигался от стены. За девять месяцев он заметно похудел, коротко остриг волосы и приобрёл выражение человека, который больше никому не даёт закончить предложение прежде, чем решит, есть ли в нём угроза. В AURIX он руководил безопасностью европейских исследовательских узлов. После событий в Сибири исчез раньше, чем комиссии успели задать ему вопросы.

— Дверь не откроется, — сказал Луис. — Питание отключено. Резервные линии сняты восемь месяцев назад.

— Если узел прислал письмо, питание есть.

Томас наконец бросил сломанный зонт у стены.

— Я голосую за то, чтобы вернуться в машины и никогда больше не встречаться.

— Ты приехал из Копенгагена, — заметила Нур.

— Любопытство и здравый смысл всегда плохо уживались во мне.

Хелен подошла к двери. Сканер рядом с ручкой не светился. Она приложила ладонь. Несколько секунд ничего не происходило. Потом изнутри донёсся щелчок. Дверь открылась. Томас вошёл первым.

***

Внутри пахло пылью, сыростью и старым пластиком. Они прошли через пустой вестибюль, подняли вручную металлическую решётку и спустились по лестнице. Свет включался перед ними отдельными секциями. Лампы загорались с задержкой, словно здание просыпалось неохотно и по очереди вспоминало, где у него находятся коридоры. Первый подземный этаж был пуст.

На втором остались перевёрнутые столы, распахнутые шкафы и следы спешной эвакуации. На полу валялись пропуска, распечатки и одноразовые защитные маски. Кто-то написал маркером на стеклянной стене: «НЕ ВКЛЮЧАТЬ». Под надписью стояла дата — следующий день после Сибири. Нур остановилась у стекла.

— Здесь были люди, когда Райн отдал приказ на очистку?

— Семнадцать сотрудников. По спискам всех вывели, — ответила Хелен.

— Ты проверяла что-нибудь, кроме списков?

— Других данных не было.

— Списки составляла AURIX.

Хелен ничего не сказала. Нур отвернулась от надписи и пошла дальше. Хелен знала о Переводчике. Знала о генетическом маркере и наблюдении за сновидцами. Знала, что AURIX собирает данные о детях, но верила официальному объяснению: раннее выявление редкой нейрогенетической особенности. Она не знала об Отборе. Не знала, куда увозили людей. Не знала, кем на самом деле был Себастьян Райн.

За девять месяцев она повторила это перед четырьмя комиссиями, шестью следователями и одним человеком, представившимся родственником пропавшего добровольца. На третьем подземном этаже свет не включился. Луис достал фонарь. Луч выхватил длинный коридор и герметичную дверь в конце. Они подошли ближе. На панели горела одна зелёная точка. Томас наклонился к ней.

— Локальный контур. Внешней сети нет, но напряжение на шине есть.

Он посветил вдоль кабельного лотка. Пыль лежала ровно, крышки были на месте.

— Где ваша вторая линия?

— Под нижним этажом, — сказала Хелен.

Томас посмотрел на неё. В актах о демонтаже второй линии не было.

Хелен ввела старый код. Панель отказала. Она попробовала личный доступ. Снова отказ. Тогда экран ожил и показал строку:

УКАЖИТЕ ЦЕЛЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ.

— Что это значит? — спросил Луис.

— Этого интерфейса здесь не было, — сказал Томас.

Хелен коснулась экрана. Под первой строкой появилось пустое поле. Она ввела: Переводчик. Зелёная точка погасла. Несколько секунд коридор оставался совершенно тёмным. Затем дверь ушла в стену. За ней включился свет.

***

В отчёте об очистке стояла подпись Хелен: оборудование демонтировано, накопители уничтожены. Перед ней тянулись двенадцать рядов чёрных шкафов. Почти все были обесточены. В дальнем ряду работали три стойки — изолированная проверочная модель, которую она велела не трогать. Хелен остановилась, чтобы остальные прошли вперёд.

Работали вентиляторы. Пахло нагретой изоляцией. На настенном мониторе медленно собиралась из отдельных фрагментов эмблема AURIX. Нур остановилась у входа.

— Я ухожу.

— Подожди, — сказала Хелен.

— Нет. Я девять месяцев пыталась понять, как мы не заметили, чем занимались. И теперь прихожу в якобы уничтоженный центр, который знает, что мы хотим вернуть. Это не исследование. Это ловушка.

— Возможно.

— И этого тебе мало?

— Мне нужно знать, что здесь сохранилось.

— Тебе всегда было нужно знать.

Луис прошёл вдоль первого ряда, не прикасаясь к шкафам.

— Нет следов присутствия. Пыль не нарушена. Вход оставался закрытым.

— Тогда кто включил оборудование? — спросил Томас.

Томас нашёл питание: нижняя резервная линия осталась под нагрузкой, а автоматика держала вычислительные стойки в холодном ожидании. Кабели никто не снимал.

— В следующий раз, когда подпишешь акт, хотя бы перечитай, — сказал он.

Хелен не ответила.

В конце зала загорелся рабочий экран. Служебный модем догружал архив уведомлений. Среди них стояла команда, отправленная девять месяцев назад пользователем с высшим уровнем доступа.

SEBASTIAN RAYN: УНИЧТОЖИТЬ ВСЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ПЕРЕВОДЧИКА. ПОДТВЕРДИТЬ НЕВОЗМОЖНОСТЬ ВОССТАНОВЛЕНИЯ.

Ниже стоял ответ узла:

ДОСТАВКА НЕ ПОДТВЕРЖДЕНА. ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОНТУР ИЗОЛИРОВАН.

Томас медленно повернулся к Хелен.

— Ты отключила «Орфей» до приказа.

— За три недели.

— Почему?

Хелен подошла к экрану.

— Потому что Райн потребовал полный доступ к исходной модели. Без журналов и внешней проверки.

— Ты говорила, что копий не осталось.

— Я говорила комиссии, что копий не осталось.

— Письмо отправила ты.

— Нет.

— Но сервер сохранила ты.

— Я сохранила проверочную модель. Неполную. В проверочной версии нет исполнительной части Переводчика и большей части обученных соответствий. Она может разобрать входящую запись, но не открыть планетарный канал.

— Пока.

— Нур…

— Что именно переводила эта модель?

Хелен не ответила сразу.

— Язык, — сказала она. — Сначала Переводчик искал структуру в сигналах, которые AURIX получала из-под льда. Затем мы добавили генетические последовательности отмеченных людей, записи сновидцев и данные древних сооружений.

— Без их согласия, — сказала Нур.

— Да.

— Мы думали, что обучаем систему понимать неизвестную цивилизацию, — сказала Хелен. — На самом деле Райн строил мост к планетарному разуму.

— И воспользовался им для Отбора, — сказал Луис.

— А потом приказал уничтожить мост, когда тот перестал ему подчиняться.

Хелен коснулась журнала. Команда Райна исчезла. На её месте открылось состояние узла. Большая часть массивов была повреждена. Архивы сновидцев отсутствовали. Генетические базы очистились автоматически. Но вычислительные модули проверочной версии сохранились. В доступном вычислительном массиве полной модели Переводчика не значилось. В 01:17 сторожевой процесс получил данные с сопряжённого древнего интерфейса и вывел стойки из ожидания.

— Она получила сигнал, — сказал Томас.

— Узел изолирован, — напомнил Луис.

— Изолирован от интернета. Приёмную пластину вы оставили соединённой с моделью.

Томас показал входящий порт и протокол автоматического запуска. Письма ушли через отдельный служебный модем после того, как модель распознала прежних операторов в списке восстановления.

— Сервер не ожил сам, Хелен. Ты оставила ему почти всё необходимое. Кроме человека, который выключит.

Хелен открыла входящий массив. На экране возникла кривая, которую несколькими часами раньше увидела Лея Марен. Слабый импульс, пришедший сразу на десятки станций. За ним — радиосигнал. А между ними находился ещё один слой. Переводчик выделил его золотым.

— Это сообщение? — спросила Нур.

— Не знаю.

— Перевод возможен, когда обе стороны хотя бы частично разделяют способ выражать смысл. Здесь мы не знаем даже, что считать словом.

Томас сел за терминал и начал открывать диагностические окна.

— Модель уже что-то сделала. Смотрите на очередь задач.

На основном экране появилась строка:

ВНЕШНИЙ ЗАПРОС ПРИНЯТ.

Затем следующая:

ТРЕБУЕТСЯ ОТВЕТ ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ СИСТЕМЫ.

И ещё одна:

ВРЕМЯ ДО ПОВТОРНОГО ЗАПРОСА: МЕНЕЕ 30 СУТОК.

— Адам Астафьев уже отвечал, — сказал Луис.

— Один раз, — сказала Хелен.

— И спас всех.

— Мы не знаем, что именно удержало объект. И не знаем, сколько продлится пауза.

— Этого достаточно, чтобы не вмешиваться.

— Нет. Этого достаточно, чтобы понять: следующий ответ тоже понадобится.

— Райн решал за нас десятилетиями, — сказала Хелен. — Потом единственный доступ оказался у Адама Астафьева. Переводчик может дать его другим людям.

Луис покачал головой.

— Ты хочешь восстановить AURIX.

— Нет.

— Мы стоим в её секретном центре перед работающим логотипом.

— AURIX была пирамидой. На вершине находился Райн, а все остальные знали ровно столько, сколько требовалось для их задачи. Я хочу построить противоположное.

— Сеть, которая не принадлежит одному человеку, — сказала Хелен.

Нур сняла капюшон. Вода капнула на ворот свитера.

— Пароли у тебя. Помещение сохранила ты. И мы узнаём об этом только сейчас.

— Тогда не позволяй мне.

Хелен повернулась к ней.

— Останься. Проверяй каждое решение. Запрети использовать данные, полученные без согласия. Набирай добровольцев сама. Если я попытаюсь повторить методы Райна, останови проект.

— А если проблема уже в самом ядре?

Хелен посмотрела на золотую структуру сигнала.

— Тогда нам тем более нужно узнать это раньше, чем она войдёт в систему, которую никто не контролирует.

— Только добровольцы, — сказала Нур наконец.

— Да.

— Полная остановка по требованию любого из нас.

Хелен помедлила.

— Двух из четырёх.

— Любого.

Нур выдержала её взгляд.

— Остановка по требованию любого, — сказала Нур. — Продолжение единогласно. И журнал, который ты не сможешь исправить одна.

Хелен посмотрела на Луиса. Тот не помог.

— Согласна.

— Никаких детей.

— И никаких данных Майи Холлис.

— Удалим всё, что осталось.

— Не «потом». Сейчас.

Хелен кивнула Томасу. Он нашёл соответствующий архив. Тот оказался пуст: система очистила детские профили вместе с основной генетической базой. Нур проверила сама. Только после этого сняла мокрую куртку и положила её на спинку стула. Луис остался у двери.

— Я ещё не соглашался, — сказал он. — И если мне не понравится, я уничтожу этот зал.

Хелен села перед центральным терминалом. Система запросила права на восстановление модели. Подтверждение требовалось от четырёх пользователей. Она приложила ладонь к панели. Томас сделал то же самое. Нур колебалась дольше. Потом тоже подтвердила. Все посмотрели на Луиса. Он тихо выругался и положил руку на последнюю панель. Синие огни пошли по стойкам.

Вентиляторы набирали скорость, и холодный зал наполнился ровным гулом. На главном экране эмблема AURIX рассыпалась на тысячи точек. Они не исчезли, а перестроились в новую фигуру: круг из множества отдельных линий, ни одна из которых не находилась в центре. Хелен не создавала этот знак.

— Томас?

— Не я.

— Остановить? — спросила Нур.

— Выходной модуль пока обесточен, — ответил Томас. — Дочитаем журнал.

Хелен смотрела на экран. Под знаком появилась надпись:

ПРОВЕРОЧНАЯ МОДЕЛЬ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЗАВЕРШЕНО.

ДОСТУПНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ: 0.

НАЧАТЬ ЛОКАЛЬНУЮ ПРОВЕРКУ ГОЛОСОВОГО ПРОФИЛЯ?

Внизу находились два варианта. Да. Нет. Хелен почувствовала, как трое остальных смотрят на неё. Она не коснулась экрана.

— Единогласно, — напомнила Нур.

Хелен повернулась к ним.

— Голосуем.

Они спорили почти час. Нур трижды подходила к двери. Луис потребовал показать, что именно размыкает аварийный выключатель, и сам проверил исчезновение питания на выходном модуле. Томас подтвердил отсутствие внешней передачи; входящий интерфейс пока оставили только на чтение.

Гарантии безопасности не дал никто. Разрешили один короткий цикл на одном взрослом участнике, с остановкой по первому требованию. Каждый по очереди нажал «Да». Хелен была последней. В дальнем ряду ускорились вентиляторы. На экране возникла строка:

ПЕРВЫЙ УЧАСТНИК ДОЛЖЕН ВОЙТИ ДОБРОВОЛЬНО.

Хелен посмотрела на остальных.

— Значит, начнём с меня.

Нур записала время. Томас открыл шкаф с прежними испытательными датчиками и достал серебристый обруч с четырьмя контактами. Кабель пришлось распутывать: его убрали впопыхах, затянув тугой узел.

Хелен взяла обруч, но Нур забрала его обратно.

— Сначала контакты. Потом проверка без человека.

Хелен разжала пальцы.

А на экране продолжал уменьшаться отсчёт до следующего вопроса.

Глава 6. Точка за Плутоном

Человек не мог увидеть Тьму в телескоп.

Телескопу требовался свет. Отражённый, испущенный, украденный у далёкой звезды — неважно. Нужно было хоть что-нибудь, что можно поймать зеркалом, антенной или детектором.

Тьма не давала ничего. Поэтому люди искали место, где не хватало света.

— Ещё раз, — сказала Инес Арройо.

Каир повторил последовательность. Над столом развернулась прозрачная модель Солнечной системы. Планеты обозначались цветными точками, орбиты — тонкими нитями. Земля казалась крупнее, чем следовало, потому что человеческая программа отказывалась считать её незначительной. За орбитой Нептуна начиналось редкое облако отметок. Известные транснептуновые объекты, расчётные траектории, области наблюдения. Красная линия уходила дальше, пересекала пояс Койпера и заканчивалась в пустоте. Инес увеличила масштаб.

— Вы хотите сказать, что четыре секунды — не задержка? — спросила она.

— Хочу сказать, что мы неправильно выбрали первое событие.

— Это и есть определение задержки. Сначала Земля подаёт импульс, потом через четыре секунды приходит радиоотклик.

— Сначала город открывает камеру Ир-Каана. Через четыре секунды по планетарной сети проходит импульс. Ещё через четыре человеческие секунды ваши антенны принимают радиоотклик.

— Причина приходит после следствия дважды?

— Это одна из версий.

— А версия, в которой у вас сломаны часы, ещё рассматривается?

— Нара предложила её первой.

Они работали в помещении, которое девять месяцев назад служило залом памяти. Теперь половину древних поверхностей закрывали человеческие мониторы, кабели и складные столы. У дальней стены стояла кофеварка, доставленная с последним грузовым рейсом. Город три раза пытался встроить её в систему жизнеобеспечения, после чего Инес приклеила над розеткой бумажку: «НЕ ТРОГАТЬ. ЭТО НАУКА».

В городе работали двадцать семь человек. До вылета большинство знало только название полярной станции. Официально международная группа изучала подлёдные гравитационные аномалии. Неофициально каждый подписал документы, запрещавшие рассказывать о находке даже тем правительствам, которые эти документы составили. Люди называли помещение обсерваторией. У дранкори не было для него отдельного названия. Когда-то весь город являлся инструментом наблюдения. Инес вернула очки на место.

Ир-Каан вошёл в зал, пригибая гребень под человеческой лампой. После пробуждения он отказался от человеческой формы. Когти тихо щёлкнули о пол. Люди у ближайших мониторов замолчали. Остальные сделали вид, что не заметили. Ир-Каан подошёл к модели. Его золотые глаза остановились на красной линии.

— Вы нашли наблюдателя?

— Нашли направление, — ответил Каир.

— Направление — это место, в котором прячется ошибка.

Каир раскрыл необработанную запись сети. Восемьдесят три человеческие станции заметили одинаковое колебание в 01:17 по берлинскому времени. Но город дранкори услышал гораздо больше: тысячи резонансных узлов на всех материках, под океанами и в каменных слоях, давно считавшихся мёртвыми. Каждый отозвался с ничтожным сдвигом. Для челове-

ческих приборов различия тонули в пределах погрешности. Для памяти города они складывались в рисунок. Инес потребовалось два часа, чтобы превратить его в таблицу.

Ещё час ушёл на спор о том, что считать севером. Затем она нанесла задержки на вращающуюся Землю и остановилась.

— Это не волна, — сказала она.

— Если бы источник был на Земле, фронт шёл бы от одной точки. Если бы он находился у Луны или дальше, одна сторона планеты приняла бы сигнал раньше другой. А здесь…

Она изменила масштаб. Над Землёй появились короткие белые штрихи.

— Каждый узел получает свою часть в нужный момент, — продолжила Инес. — Не один сигнал проходит сквозь планету. Много сигналов приходят отдельно. Сразу туда, куда предназначены.

— Письмо, разрезанное до отправки, — сказал Ир-Каан.

— И собранное уже в почтовых ящиках.

Инес выделила семь узлов. Каир узнал их раньше, чем программа соединила точки. Антарктида. Западная Африка. Дно Тихого океана. Сибирский щит. Север Гренландии. Два древних участка, скрытых под молодыми горными породами.

— Узлы седьмого контура, — произнёс Ир-Каан.

— Их фаза отличается от остальных, — сказала Инес. — Очень мало. Но одинаково. Они приняли не только содержание. Они ответили.

Ир-Каан положил ладонь на стол. Когти коснулись светящейся поверхности, не повредив её.

— Я спал.

— Контур — нет, — сказал Каир.

Город подтвердил это тихим звуком. На модели возникла вторая красная линия. Она прошла через семь узлов, вышла за пределы Земли и почти совпала с первой. Инес увеличила область расхождения.

— Насколько?

— На три десятых угловой секунды.

Она закрыла модель ладонью, будто боялась, что та убежит.

— Мне нужны наблюдения за последние тридцать лет. Все. Не снимки этой области, а снимки объектов за ней.

— Если ваша Тьма ничего не излучает, она всё равно должна проходить перед звёздами.

— На большинстве записей там ничего не видно, — сказал Каир.

— Значит, будем искать на остальных.

Инес уже набирала сообщение коллегам в Чили, Австралии и на Гавайях. Она не просила разрешения у Каира. Девять месяцев назад это раздражало бы его. Теперь он считал такую привычку людей полезной, хотя и не собирался говорить им об этом. Ответы начали приходить через семь минут.

Сначала архив обзорной станции в Серро-Тололо. Затем данные двух орбитальных телескопов. Потом любительские наблюдения из Новой Зеландии, принадлежавшие учителю физики, который двадцать два года подряд снимал одну область неба в надежде открыть комету. Комету он так и не открыл. Зато на четырёх его снимках отсутствовала одна и та же звезда. На экране появилась россыпь белых точек. Одна мигнула и исчезла. Через сорок три минуты возникла снова.

— Облако пыли? — спросил Каир.

— На следующем снимке пропала другая звезда. Потом третья. Объект двигался.

Она наложила данные всех архивов. Отдельные исчезновения сложились в цепочку, слишком неровную для орбиты и слишком точную для случайности. Цепочка тянулась двадцать восемь лет. Каир следил, как на экране рождается путь Тьмы. Она появилась в человече-

ских наблюдениях задолго до того, как Адам вошёл в Резерв. Ещё до рождения Майи. Сперва двигалась медленно, пересекая фон звёзд. Потом изменила направление без дуги, без разгона и без заметного воздействия Солнца. Двадцать семь лет назад она остановилась.

— Тело на таком расстоянии не может просто остановиться. Оно обязано обращаться вокруг Солнца или падать к нему.

Ир-Каан наклонился ближе к модели.

— Оно не считает Солнце центром.

Инес провела расчёт ещё раз. Ввела массу светила, движение планет, влияние галактического поля. Результат не изменился. Красная отметка висела за Плутоном, дальше пояса Койпера, на расстоянии девяноста одной астрономической единицы от Земли. Не звезда. Не планета. Не корабль в человеческом смысле.

— По совмещённой модели — девяносто одна целая четыре, — сказала Инес. — Но это оценка с данными города. Телескопами расстояние пока не подтверждено.

Она округлила подпись на общей карте: «Около девяноста астрономических единиц». За последней цифрой оставила вопросительный знак.

Красная отметка казалась неподвижной только на грубой схеме. Инес вернула годовые колебания и движение Земли. Каир увидел, как расчётная точка смещается, затем возвращается на прежнюю линию наблюдения. Записей не хватало для непрерывного пути: между ними оставались месяцы пустоты.

— Наложи положение Земли, — попросил он.

Инес выполнила. Система показала две траектории. Земля шла по орбите. Расчётный путь далёкого объекта менялся короткими поправками, которые приходилось восстанавливать между редкими наблюдениями. В этой модели он сохранял Землю перед собой. В зале постепенно стихли разговоры. Люди замечали картину один за другим. Несколько человек подошли ближе. Кто-то остановил кофеварку посреди цикла, и впервые за день её шипение никого не рассмешило.

— Оно удерживает нас в поле зрения, — сказала Инес.

— Да.

— Двадцать семь лет?

Каир просмотрел более старые данные. До человеческих архивов оставались записи города — неполные, повреждённые, написанные языком, который сам менялся за миллионы лет. Найти в них объект было труднее. Тьма не закрывала звёзды постоянно. Она могла быть размером с город или с планету; могла находиться не целиком в том пространстве, которое измеряли люди. Но направление совпадало.

— Дольше, — ответил он.

— Насколько?

— Мы заметили её двести пятьдесят миллионов лет назад.

Инес медленно села.

— Дранкори послали внешний сигнал, — сказал он. — Это есть в записи.

Когда-то дранкори соединили свои города, мысли и память в один планетарный строй. Они хотели, чтобы среди звёзд их услышали. Каир знал эту попытку по архиву: в ней он мог пройти по террасам, ощутить ветер, дослушать чужой спор. Его собственного рождения в этих записях ещё не было. Гораздо позже он шестьсот лет помогал хранителям убирать следы, потом разорвал с ними связь. И уже людям говорил, что за древним страхом нет никакого разрушителя.

Теперь на экране стояло то, существование чего он отрицал.

— Координаты нельзя выпускать из этого зала, — сказал он.

Инес подняла голову. Каир перекрыл выгрузку сводки. На человеческих мониторах появились значки остановленной передачи. Инес встала.

— Вы не можете запереть данные.

Инес показала на оборвавшийся сеанс с Чили. На той стороне уже третий раз спрашивали, что случилось.

— В прошлый раз вы тоже так решили?

— Да, — сказал он. — Мы решили, кому можно знать.

— Тогда откройте каналы.

На его браслете появился вызов. Выгрузка наблюдений была остановлена, но внутренняя связь продолжала работать. Лея Марен. Каир принял.

— Каир, я у Клэр. Майя разрешила показать тебе рисунок. Она сделала его вчера в школе, а сегодня поправила последнюю линию.

Изображение открылось рядом с моделью. Лист из школьного альбома. В левом углу — жёлтый круг, вокруг него несколько неровных окружностей. Планеты Майя нарисовала цветными, Землю выделила синим. От семи точек на её поверхности отходили тонкие линии. Они сходились далеко за последней орбитой, у чёрного овала, который девочка почти не закрасила. Рядом она написала:

ОНА ЕЩЁ ТАМ.

— Инес, сравни рисунок со схемой.

Инес отметила центр Солнца, Землю и внешний овал.

— По школьному рисунку углы не измеряют, — сказала она. — Даже если мне очень хочется.

Она оставила изображения рядом. Совпадала последовательность: семь линий от Земли, внешний овал, смещение относительно последней планеты. Седьмая линия была дорисована другим нажимом, поверх стёртого следа.

— Ребёнок не мог это вычислить, — сказала Инес.

— Не вычислила, — ответил Каир. — Увидела.

— Во сне?

— Она больше не видит снов.

Лея всё ещё ждала на связи.

— Пришли время рисунка, — попросил Каир. Лея передала школьную запись.

Инес открыла свежий участок расчёта. За время, прошедшее с первого сигнала, вероятная область сместилась в ту же сторону, в которую Майя поправила линию.

— Это стоит проверить, — сказала Инес. — Не больше. Рисунок не даёт ни расстояния, ни времени поправки.

Каир сохранил рядом оба изображения. Теперь у них было независимое свидетельство, которого он не умел объяснить, а не готовая карта.

— Каир, что вы нашли? — спросила Лея.

— Вероятное положение. И способ следить за изменениями.

Каир коснулся панели. Выгрузка возобновилась. Сообщения хлынули на экраны. Запросы станций, обрывки архивов, предупреждения комиссии. Люди в зале заговорили одновременно.

— Координаты отправлю сейчас, — сказал Каир.

Он отправил координаты Адаму, Наре, Иссаре и Лее. Затем добавил человеческие обсерватории, участвовавшие в поиске. Не правительства. Не военные центры. Только тех, кто мог проверить расчёт независимо и рассказать, если результат попытаются спрятать. Ир-Каан убрал ладонь со стола.

— Хранитель Меры назовёт это нарушением.

— Ему придётся проснуться быстрее, чтобы успеть меня остановить.

— Он просыпается.

В стенах на мгновение изменился тон. Каир почувствовал знакомую последовательность: температура камеры росла, древние системы проверяли память того, кому когда-то доверили право измерять допустимый риск. До пробуждения Тар-Эна оставалось меньше трёх дней.

Инес вернулась к наблюдениям. Теперь в расчёт поступали свежие данные из Южной Африки и с орбитальной станции. Телескопы разворачивались к указанной области. Для видимого света там по-прежнему ничего не было. Инфракрасные приборы не замечали тепла. Радиоантенны слышали только старый шум Вселенной.

— Если оно не отражает свет, прямого изображения не будет, — сказала она. — Придётся ждать, пока объект снова пройдёт перед звездой.

— Сколько?

— Часы. Может быть, сутки.

Один из экранов погас. Инес нахмурилась.

— Кто отключил поток с «Хемисферы»?

Оператор проверил соединение.

— Поток идёт.

— Тогда почему нет картинки?

— Картинка есть.

Он увеличил яркость. На экране проступило звёздное поле. В центре находилось пятно абсолютной черноты — слишком ровное по краям, чтобы быть сбоем, и слишком большое для расчётной дистанции.

— Оно закрыло несколько звёзд сразу, — сказала Инес.

— Нет, — возразил оператор. — Сравните края.

Он наложил архивное изображение. Звёзды исчезали чуть раньше, чем их достигал край пятна, словно свет входил в область, из которой уже не возвращался. Каир узнал небо Первого мира из записи. Тогда Совет ещё называл исчезновение созвездий оптической ошибкой. Стыд, с которым Каир смотрел на экран сейчас, принадлежал ему самому: он уверял Адама, что небо пусто.

— Ты говорил, что её нет, — сказал Ир-Каан.

Каир кивнул. Инес слышала этот разговор, не отрываясь от потока наблюдений.

Чёрная область остановилась. Инес проверила время.

— Поправка закончена. Новое положение стабильно.

— Относительно Земли? — спросил Каир.

— Да.

Город отозвался раньше, чем человеческие приборы успели завершить измерение. Световые жилы вспыхнули по всему залу. Семь узлов седьмого контура возникли над столом, соединённые с далёкой точкой. На этот раз сигнал не содержал вопроса, знака или обратного отсчёта. Все семь линий указывали на Землю.

— Оно знает, что мы его нашли.

— Знало раньше, — сказал Ир-Каан.

Журнал города снова расходился с человеческой регистрацией на четыре секунды. Инес пометила оба времени, не назначая ни одно причиной другого. На центральном экране звёзды вокруг чёрной области стали тусклее. Всего на несколько мгновений. Потом вернулись.

Но в эти мгновения Каир увидел то, чего не было на прежних записях.

Тонкую дугу на краю Тьмы.

Инес обвела её на снимке и добавила в очередь проверки. До конца смены Каир несколько раз возвращался к этой дуге. На каждом увеличении она распадалась на шум.

Глава 7. Ключ не поворачивается

Ключ узнал Адама, но дверь не открыл.

Он попробовал второй раз.

Приложил ладонь к тёмной поверхности, дождался, пока под кожей проступит знакомое тепло, и произнёс своё имя. Стена перед ним дрогнула. По ней разошлись серебристые линии, сложились в древний знак допуска и тут же погасли. Дверь осталась на месте.

— Может, толкнуть? — предложила Марина. Адам не улыбнулся.

Они стояли на глубине сорока метров под институтом, в помещении, которого не было ни на одном плане Москвы. Узел обнаружили полгода назад, когда грузовой лифт трижды остановился между подземными этажами и открыл двери в освещённый синим коридор. Первый техник решил, что перепутал кнопки. Второй вызвал ремонтную службу. Третий сделал фотографию, и через два часа в институт приехали люди без опознавательных знаков. После этого лифт перестал останавливаться сам.

Адам спускался сюда четыре раза. Узел всегда впускал его сразу. Сегодня он привёз не только Марину. За стеклянной перегородкой временной аппаратной ждали трое сотрудников института, Нара находилась на связи из Антарктиды, а Каир подключался с задержкой: он продолжал проверять координаты точки за Плутоном. Адам убрал руку. Он снова коснулся поверхности кончиками пальцев. За камнем проверили его подпись. Ответ пришёл без слов. Недостаточно.

На браслете возникло лицо Нары. Связь с антарктическим городом шла не через спутники, однако изображение всё равно иногда рассыпалось на квадраты. Древняя сеть умела передавать мысль сквозь планету, но с человеческим видео справлялась без всякого достоинства.

— Ты вошёл? — спросила она.

— Нет.

— Узел повреждён?

— Не похоже.

— Тогда отойди. Я попробую открыть удалённо.

Марина отошла к стеклу. Адам остался у двери. Синий свет в коридоре стал ярче. По стенам прошёл низкий гул, почти неразличимый за шумом вентиляции. Серебристые линии появились снова, но теперь сложились в другой знак.

ДОСТУП ХРАНИТЕЛЯ ПОДТВЕРЖДЁН.

Ниже возникла вторая строка:

ПРИСУТСТВИЕ НАСЛЕДНИКА ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Адам посмотрел на знак доступа Нары. Затем снова положил ладонь на стену. Две последовательности света встретились в центре двери. Что-то сдвинулось в глубине. Каменная поверхность исчезла без шва и звука, открыв круглый зал. Адам вошёл первым.

Узел был самым маленьким из пробудившихся. Центральная площадка едва вмещала четырёх человек, а полукруглая стена памяти хранила только часть планетарной карты. В прежние времена здесь не принимали решения. Московского города ещё не существовало, материки выглядели иначе, а этот зал служил промежуточным звеном между северными контурами. Теперь он оказался ближайшей точкой, из которой Адам мог обратиться ко всей сети.

Координаты Каира висели над центральной площадкой: направление, расстояние, вероятная область объекта. Около девяноста астрономических единиц. В человеческом масштабе — почти четырнадцать миллиардов километров, с пока не подтверждённой независимо погрешностью.

— Свежие наблюдения подтверждают положение, — сказал Каир.

Его голос пришёл без изображения. На заднем плане кто-то спорил с ним на испанском.

— Объект движется? — спросил Адам.

— Сохраняет положение относительно Земли. Новых поправок не было сорок семь минут.

— Почему он остановился?

— Возможно, ждёт нашей попытки связаться.

— Или знает, что мы её уже начали, — сказала Нара.

Адам посмотрел на таймер. С первого сигнала прошло чуть больше суток. До следующего внешнего запроса оставалось меньше двадцати девяти суток; что последует за ним, сеть не объясняла.

— Что именно ты хочешь отправить? — спросил Каир.

— Сначала я запрошу полную запись сигнала, — сказал Адам. — Посмотрю, что получила глубинная система.

— Кто проверяет границу передачи?

— Нара. Я запрашиваю сохранённую запись, не новый контакт.

— И не расширяешь запрос, пока мы не увидим его действие, — сказал Каир.

Адам кивнул. Марина дождалась, пока он подтвердит это вслух.

Адам встал в центр площадки. Марина осталась рядом с краем.

— Показатели будем снимать отсюда, — сказала она. — Если связь начнёт углубляться, выходишь по нашей команде. Сам. Я снижу нагрузку, но выдёргивать тебя нельзя.

Адам закрыл глаза. Он протянулся к сети. Она приняла его мгновенно. Пол исчез. Вместе с ним исчезли стены, Москва и вес собственного тела. Адам ощутил множество ритмов. Давление в отдельных контурах. Колебание ледяного поля над южным городом. Короткие вспышки на поверхности — доступные датчикам следы электричества, движения и звука. Между ними лежали огромные области, из которых сеть не получала ничего. Он держался за эти пробелы: они помогали помнить, что перед ним показания системы, а не сама Земля.

Адам нашёл собственную нить. Она по-прежнему лежала в глубине, вплетённая в древний закон. Человеческая по происхождению, дранкорийская по форме. Живой след, через который система научилась различать отдельную жизнь и задачу её сохранения. Адам потянулся к нему и ощутил наклон под правой ладонью, хотя рука лежала на ровной площадке.

НАСЛЕДНИК.

НОСИТЕЛЬ ДВУХ ЛИНИЙ.

РЕДАКТОР ДИРЕКТИВЫ.

Знаки не возникали перед глазами. Они сразу становились понятны, минуя язык.

— Контакт устойчив, — услышал он голос Марины, далёкий и приглушённый. — Продолжай медленно.

Адам задал первый запрос.

Покажи исходную структуру внешнего сигнала.

Сеть открыла запись. Среди непереведённых участков выделялась пустая форма. Связи расходились от единого центра; город не показывал, что должно их заполнить. Адам узнал устройство запроса, но ни одной ячейки прочесть не смог.

— Что там? — спросил Каир.

— Пустые места. Очень много.

Он попробовал сосчитать связи. Сеть отказалась переводить количество в число: форма продолжала расширяться, захватывая не только активные узлы, но и человеческие города, линии связи, отдельные здания. На мгновение Адам ощутил квартиру Виктора. Не комнаты и мебель — электрический шум проводки, тепло батарей, слабую вибрацию окна от проехавшего грузовика. Затем форма двинулась дальше.

— Закрой запись, — сказала Марина. — Она начинает использовать тебя для поиска адресатов.

Адам оборвал запрос. Пустая форма исчезла.

— Контакт сохраняю, — сказал Адам. — Ориентация нормальная. Чужих импульсов нет.

— Похоже на опрос, — сказал Адам.

— Похоже по чему? — спросил Каир.

— В форме больше одного места для ответа.

— Остальное пока не переводим, — сказала Марина.

Адам вернулся к своей нити.

Проверить возможность ограниченного обращения к внешнему наблюдателю.

Глубина откликнулась. В планетарной карте зажглись древние узлы. Один за другим: Антарктида, Сибирь, дно океана, африканский контур, два мёртвых города, чьи камеры ещё не умели просыпаться. Свет сошёлся у нити Адама. Он почувствовал знакомое сопротивление — тяжесть закона, проверяющего право голоса. В Резерве Адам нашёл путь через это сопротивление. Теперь прежнее движение ничего не меняло.

Подтвердить полномочия наследника, — приказал он.

Сеть выполнила проверку.

ЛИНИЯ ДРАНКОРИ: ПОДТВЕРЖДЕНА.

ЛИНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПОДТВЕРЖДЕНА.

ПРАВО ИЗМЕНЕНИЯ ДИРЕКТИВЫ: ПРИЗНАНО ПО ФАКТУ.

— Что значит «по факту»? — спросила Нара, увидев перевод на своём терминале.

— Значит, система признаёт, что он это сделал, — ответил Каир. — Не обязательно признаёт, что имел право.

Открыть канал наблюдения. Передачу содержания запретить.

Узлы вспыхнули ярче. Его нить натянулась, словно ключ вошёл в тугой замок. Адам медленно усилил давление, сохраняя точную форму команды. Поворот был совсем рядом. Ещё немного — и сеть должна была перестроить планетарный контур, направив его к точке за Плутоном. Но ключ не поворачивался. Глубина показала ему это прямо: рядом с нитью Адама возникли пустые углубления. Тысячи. Миллионы. Они уходили во все стороны и становились мельче, пока не слились с шумом человеческого мира.

— Адам, нагрузка растёт, — сказала Марина.

— Вижу.

— Отпусти команду.

— Почти получилось.

— Нет. Ты просто давишь сильнее.

Адам уменьшил усилие. Сеть тут же отодвинула его нить от центра. Перед ним возник ответ:

ОДНОГО ГОЛОСА НЕДОСТАТОЧНО.

— Запрос отклонён, — сказал он.

— Причина? — спросил Каир.

Адам передал фразу.

— Это защита Совета, — первой сказала Нара. — Для внешнего обращения требовалось согласие контуров.

— Нет, — возразил Каир. — До молчания три голоса Совета могли открыть дальний канал. Здесь мест гораздо больше.

Он снова раскрыл форму, не позволяя ей распространиться.

— Сеть не даёт числа.

— Попроси минимальное количество.

Адам сформулировал запрос.

— Может, она ждёт не количество, — сказала Марина. — Это может быть требование независимого подтверждения. — Или способ сказать, что у твоего допуска нет нужного основания.

— Я уже входил один.

— Входил, — ответила она. — А сейчас тебе отказано. Посмотри на проверку, а не на прошлый результат.

Адам задал другой запрос.

Кто должен дополнить голос наследника?

Сеть запросила разрешение обратиться к доступным контактным адресам. Адам увидел прежнюю карту носителей и узлов, но она была неполной. Внизу стояло предупреждение о недоступных адресатах.

— Не запускай, — сказала Марина. — Сначала выведи на наш экран.

Он хотел только узнать, кто сможет подтвердить запрос. Не соединить людей, не извлечь мысль — проверить наличие ответа. Адам коснулся разрешения раньше, чем успел объяснить это.

Карта расширилась. Одни точки погасли, другие зажглись. Запрос о составе голосов ушёл в отдельный процесс.

— Закрой, — сказала Марина.

Он закрыл карту. Процесс остался работать.

— Отключайся, — сказала Марина.

Он почувствовал ладонь Марины на плече — тёплую, настоящую.

— Отключаюсь, — сказал он.

Планета отпустила его неохотно. Сначала вернулся вес тела. Потом холод пола под ногами, запах пыли и нагретых кабелей из аппаратной. Последним исчез гул отдельных контуров. Адам открыл глаза и несколько секунд не мог понять, почему круглый зал кажется таким маленьким.

— Показатели в норме, — сказала она. — На всякий случай посиди.

У стены поднялась узкая скамья. Адам сел. Марина принесла воду. Он сделал несколько глотков, хотя не хотел, и только после этого посмотрел на остальных. На экране Нара стояла, опираясь руками о стол. Каир наконец включил изображение. За его спиной виднелась обсерватория и красная точка на модели Солнечной системы.

— Что именно ты разрешил? — спросила Нара.

Адам открыл журнал и переслал строку. Каир читал её дольше, чем требовал перевод.

— Проверку доступности прежних адресов. Это не чтение сознания. Но отклик может почувствовать тот, чей адрес ещё действует.

Марина придвинула к Адаму салфетки.

— Я просила вывести запрос.

— Вижу.

— Ты видел и тогда.

Адам поставил стакан на пол.

— Я попробую снова в Антарктиде.

— Зачем? — спросила Марина.

— Там полный интерфейс.

— И те же неизвестные в запросе.

Адам нагнулся за стаканом и поднялся. Под пальцами снова возник чужой наклон; он удержал стекло, но вода пролилась на брюки. Марина протянула салфетку. Он взял её не сразу.

— Я должен иметь возможность остановить то, что запустил, — сказал он.

— С этим никто не спорит.

Адам отвернулся к стене памяти. Каир кашлянул на связи.

— Не хочу мешать редкому семейному разговору, но у нас появилась дополнительная проблема.

— Какая? — спросил Адам.

— Город зарегистрировал попытку доступа. Запись ушла в контур Хранителя Меры.

Нара резко повернулась к соседнему экрану.

— Его камера ещё закрыта.

— Камера — да. Сознание уже проходит восстановление.

— Он увидит отказ сети, — сказал Адам.

— И объявит его доказательством незаконности твоей директивы.

— Можно удалить запись?

Каир посмотрел на него без улыбки.

— Можно. Если мы хотим подтвердить первое обвинение вторым.

— Не удаляй, — сказал Адам.

Нара кивнула первой.

— Тогда Хранитель потребует объяснений сразу после пробуждения.

— Получит.

— А если он прикажет вернуть старую директиву?

— Тогда покажет, на каком основании.

Адам посмотрел на собственную мокрую ладонь. Точно такой вопрос уже задала ему сеть.

В стене памяти что-то изменилось. Над площадкой снова появилась Земля. На ней медленно зажигались точки: Антарктида, Москва, запад Европы. Сеть показывала адреса, от которых вернулся технический отклик. Согласия говорить в этих отметках ещё не было.

— Я закрыл запрос, — сказал Адам.

— Его отображение, — ответил Каир. — Мы видим результат уже отправленной проверки.

Марина подошла к карте.

— Это не полный список человечества.

— Тогда что она выбирает? — спросил Каир.

Сеть закончила построение. Несколько сотен точек мерцали на планете независимо друг от друга. Они не соединялись линиями, не складывались в контуры и не тянулись к голосу Адама. Под картой возник перевод:

ЕДИНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НЕ ОПРЕДЕЛЁН.

Следующая строка появилась после короткой паузы.

ПРОВЕРЯЕТСЯ ДОСТУПНОСТЬ НЕЗАВИСИМЫХ ГОЛОСОВ.

На карте загорелась ещё одна точка.

Манчестер.

Узнав место, где жила Майя, Адам попытался остановить проверку. Узел ответил: уже отправленные запросы отозвать невозможно. Следующий цикл он сумел запретить; этот должен был завершиться сам.

— Позвони Клэр, — сказала Марина.

Адам взял телефон. Несколько секунд смотрел на её имя, подбирая объяснение, которое не начиналось бы словами «Я хотел только». Потом нажал вызов.

В центре карты появилась его нить — яркая, знакомая, всё ещё связанная с новой директивой.

Теперь вокруг неё возникали другие.

Глава 8. Дети без снов

Лея Марен нашла сто двадцать шесть детей, которые перестали видеть сны в одну ночь.

В архиве AURIX сохранилось двести девятнадцать анкет. Девять принадлежали несуществующим людям, созданным для проверки утечек. В семнадцати не было адресов. Тридцать семь семей исчезли сразу после событий в Антарктиде: сменили телефоны, закрыли страницы в социальных сетях, переехали или просто перестали отвечать незнакомцам. Из оставшихся ста пятидесяти шести тридцать семей отказались участвовать или пока не ответили. Лея оставила их анкеты отдельно. В нынешнюю выборку вошли сто двадцать шесть детей.

Кто-то говорил охотно, будто девять месяцев ждал возможности рассказать. Кто-то требовал доказать, что Лея не работает на бывших людей Райна. Несколько родителей соглашались только на переписку. Двое задавали вопросы через адвокатов. Одна мать двадцать минут молчала в трубку, а потом спросила, вернутся ли красные сны. По рассказам семей, у всех ста двадцати шести детей прежние сны прекратились после той ночи, когда Адам Астафьев изменил директиву. Точного часа никто не записал; Лея не стала подставлять в таблицу время из журнала сети.

— Не закончились, — поправила Майя. — Просто мы их больше не помним.

Лея подняла взгляд от ноутбука. Они сидели на кухне у Клэр. За окном дождь то усиливался, то стихал, но не прекращался уже второй день. На подоконнике спал соседский кот, окончательно решивший, что дом принадлежит ему. Клэр один раз вынесла его за калитку. Через десять минут он вернулся через окно второго этажа.

— Ты уверена, что видишь сны? — спросила Лея.

Майя пожала плечами.

— Все видят. Так учитель сказал.

Майя посмотрела на таблицу. Лея заменила номера анкет именами. Клэр настояла. По её словам, достаточно взрослых уже называли детей носителями, субъектами и материалом. В таблице теперь были София, Эмиль, Амира, Ноа, Томас, две девочки по имени Хана и мальчик, которого дома звали просто Ди.

— Они все такие, как я? — спросила Майя.

— Не совсем. У некоторых был тот же красный город, у других — иные места, — сказала Лея.

— А теперь?

— Теперь никто из них не видит прежних снов.

— Но ты приехала не поэтому.

Клэр стояла у раковины и слишком долго мыла одну чашку. После звонка из Москвы она почти не отходила от дочери. Майя делала вид, что не замечает. Клэр делала вид, что верит.

— Скажи ей, — произнесла Клэр.

— Сегодня Адам обратился к сети дранкори, — сказала Лея. — Он хотел открыть канал к тому, что находится за Плутоном.

— К Тьме.

— Да.

— У него получилось?

— Нет. Сеть отказалась принимать один голос. Потом начала искать другие.

— Меня нашла?

— На карте появилась точка над твоим домом.

Клэр поставила чашку в сушилку. Майя провела пальцем по крышке ноутбука.

— Сегодня стало тише.

— Когда?

— После обеда. Я делала Сатурн.

На полу у стены лежала недоделанная модель Солнечной системы. Планеты Майя скатала из цветной бумаги и повесила на нитях к старой лампе. Сатурн получился слишком большим, Земля — чуть меньше Марса, а Плутон она всё равно добавила, хотя учитель назвал его карликовой планетой. За Плутоном висел маленький чёрный шарик.

— Что значит «тише»? — спросила Лея.

— Раньше там всё время кто-то был.

— Где?

Майя коснулась пальцем виска.

— Ты говорила, что голос исчез.

— Голос исчез. Я не говорила, что исчез тот, кто слушает.

Лея придвинулась ближе.

— А сегодня что изменилось?

— Тот, кто слушал, отвернулся. Ненадолго. Потом вернулся, но уже смотрел не только на меня.

— На кого ещё?

— Не знаю. Там было много мест.

Лея распечатала снимок карты из московского узла и положила перед Майей. На материках и островах были отмечены несколько сотен точек.

— Так?

— Почти. Только тут они все одинаковые.

Майя нашла коробку с карандашами. Синим закрасила одну точку на распечатанной карте, зелёным — другую, красным — третью. Лея следила молча.

— Они не вместе, — объяснила Майя. — Их слушают по отдельности.

— Кто?

— Наверное, та, откуда я смотрела.

— Наверное?

Майя пожала плечами.

— Я не знаю, как её зовут. И может быть, это совсем другое.

Телефон на столе завибрировал. Адам. Клэр посмотрела на Майю.

— Хочешь с ним поговорить?

Майя кивнула. Клэр включила громкую связь.

— Майя, сеть могла установить с тобой контакт, — сказал Адам. — Ты что-нибудь почувствовала?

— Она перестала слушать меня и начала слушать других.

— По времени совпадает с началом поиска, — сказал Адам.

— Там были огни, — произнесла Майя. — Каждый отдельно.

— Как на нашей карте?

— Нет. Не рисуйте их на этой карте. Я не знаю, что это.

Адам замолчал.

— Мне показалось, один меня заметил, — добавила Майя. — Но никто не звал.

— Если что-нибудь изменится, сначала говори маме. Не пытайся отвечать сама.

— А почему вы называете нас голосами, если никто не спросил, хотим ли мы говорить? — спросила Майя.

— Проверку запустил я, — ответил Адам. — Не должен был до разговора с вами. Следующий запрос я остановил.

— А этот?

— Этот уже ушёл.

Майя посмотрела на маму.

— Тогда вы говорите, что я сейчас не хочу.

— Передам, — сказал Адам.

После звонка Клэр забрала телефон и вышла в коридор. Оттуда донёсся её приглушённый голос: она продолжила разговор с Адамом без дочери. Майя вернулась к карте.

— Можно поговорить с другими детьми? — спросила Майя.

Лея уже подготовила такой разговор. Именно поэтому приехала, хотя Клэр пока об этом не знала. Согласились шесть семей. Никаких врачей, записей и представителей комиссии. Только родители, дети и Лея. Каждый мог отключиться в любую секунду. Когда Клэр вернулась, Лея спросила разрешения на звонок.

— Майя решает сама, — ответила та.

— Я хочу, — сказала Майя.

— Тогда я буду рядом. Если кому-нибудь станет неуютно, сразу заканчиваем.

— Включай.

***

На экране появилось семь окон.

В одном сидел десятилетний Эмиль из Норвегии. За его спиной стояла полка с моделями самолётов, а сам он всё время пытался убрать из кадра младшего брата. В другом Амира из Марокко держала у лица белого кролика и говорила за двоих. Ноа из Кейптауна подключился с телефона матери и первые пять минут показывал только потолок. София из Аргентины сидела рядом с отцом, который переводил незнакомые слова. Хана из Японии почти не говорила. Последнее окно принадлежало мальчику по имени Ди. Откуда он, Лея не сказала: его семья согласилась на разговор при условии полной анонимности.

Седьмой была Майя. Сначала никто не знал, что говорить. Взрослые здоровались слишком вежливо. Дети рассматривали друг друга. Кролик Амиры шевелил носом. Младший брат Эмиля всё-таки пробрался в кадр, показал всем игрушечный грузовик и был унесён чьими-то руками.

— Вам тоже больше не снится красное? — спросила Майя.

— Мне снилось не красное, — сказал Ноа. — У меня был белый берег.

— А вода?

— Чёрная.

— Мне снилась лестница, — сказала Амира. — Я поднималась, но всегда оказывалась внизу.

— У меня были люди под стеклом, — сказал Эмиль.

— Они были мёртвые? — спросила София.

— Нет. Просто ждали.

Хана что-то тихо сказала. Женщина рядом перевела:

— Она видела сад, в котором деревья росли корнями вверх.

— А ты? — Амира посмотрела на Майю.

— Город и двери.

— Ты их открывала?

— Иногда.

— Я никогда не доходила до верха, — сказала Амира.

Дети заговорили одновременно. Оказалось, все давно хотели сравнить свои сны, но взрослые либо запрещали о них рассказывать, либо задавали только вопросы из анкет. Какого цвета небо. Повторялись ли символы. Был ли голос мужским или женским. Просыпались ли они в одно время. Через несколько минут Майя задала главный вопрос:

— Когда вы перестали видеть сны?

Ответы прозвучали вразнобой, но дата у всех совпала. Ди всё это время молчал.

— А у тебя? — спросила Майя.

Мальчик наклонился ближе к камере. Лица всё равно было почти не видно: он сидел против окна.

— Я не проснулся, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Лея.

— Сон закончился, а я остался лежать. Было темно. Я слышал дом и маму на кухне. Потом кто-то спросил, хочу ли я вернуться.

— Кто?

— Не знаю.

— И что ты ответил? — спросила Майя.

— Что уже вернулся.

— А сейчас вас кто-нибудь слушает? — спросила Майя.

Ноа первым сказал:

— Да.

— Да, — повторила Амира.

Эмиль кивнул. София посмотрела на отца, будто просила разрешения, потом тоже кивнула. Хана произнесла короткую фразу без перевода. Ди остался неподвижен.

— Когда началось? — спросила Лея.

Ответы снова не совпали. Ноа чувствовал это все девять месяцев. Амира — только последние две недели. Эмиль впервые заметил вчера, когда смотрел на небо. София сказала, что внимание появлялось каждый раз, когда она врала. Отец удивлённо посмотрел на неё. София уточнила, что речь идёт только о важной лжи, и отказалась объяснять дальше.

— Оно говорит? — спросила Клэр.

— Нет, — ответили четверо.

Ноа сказал:

— Иногда.

— Что оно говорит?

— Как будто ждёт, что я скажу.

— Что скажешь вслух? — спросила Клэр.

Ноа помедлил.

— Не знаю. Я иногда даже рот открываю, а потом ничего не говорю.

— Оно внутри головы? — спросила мать Эмиля.

— Нет, — сказал он. — Голова внутри него.

— Как комната? — спросила Майя. — Большая, а ты в одном месте внутри?

— Да. Только комната не вокруг тела.

— Вокруг того, что ты можешь сказать.

— Да.

— Там есть огни? — спросила Майя.

Амира перестала гладить кролика. Хана резко подняла голову. Ноа приблизил телефон к лицу.

— Ты тоже их видела? — спросил он.

Лея посмотрела на Клэр. Та уже держала руку на крышке ноутбука, готовая закончить разговор.

— Один раз, — ответила Майя. — Внутри Тьмы.

— Они не внутри, — сказала Хана по-английски, впервые без помощи матери.

— А где?

Девочка долго искала слово.

— После.

— После чего?

Хана не ответила. В каждом окне произошло одно и то же. Дети отвели взгляд от камер. Не одновременно — разница составляла доли секунды. Но каждый посмотрел в сторону, где не было ничего интересного: Майя на тёмное окно, Эмиль на стену, Амира поверх экрана, Ноа куда-то за собственное плечо. Даже Ди повернул голову.

— Что случилось? — спросила Клэр.

Майя подняла ладонь. Прошло четыре секунды. Дети снова посмотрели в камеры.

— Оно стало ближе? — спросила Амира.

— Нет, — сказал Ноа.

— Тогда почему громче?

— Потому что нас больше.

— Что вы услышали? — спросила Лея.

— Оно проверяло, слушаем ли мы, — ответил Эмиль.

Майя коснулась чёрного шарика, висевшего за Плутоном. Тот качнулся на нити.

— Давайте не про это, — сказала Майя.

— Про что тогда? — спросила София.

Майя потянула нитку. Чёрный шарик стукнулся о Плутон.

— Что вы хотите делать, когда взрослые перестанут спрашивать про сны?

Ноа заговорил первым:

— Я не хочу, чтобы мама всё время сидела рядом, когда я сплю.

Его мать отодвинулась от камеры. Амира сказала:

— Я хочу снова увидеть лестницу. Не голос. Только узнать, что наверху.

Эмиль признался, что скучает по людям за стеклом, хотя раньше боялся их. София сказала отцу, что иногда притворяется, будто ничего не чувствует, потому что тогда он улыбается. Хана долго молчала, затем произнесла:

— Я не хочу быть особенной.

Ди сказал:

— А я хочу. Только не для них.

— Для кого? — спросила Лея.

— Для себя.

Майя следила за кроликом Амиры. Он дёргал ухом всякий раз, когда звучал чужой голос. Стало легче смотреть в экран, но Майя не могла понять, ушло ли то внимание или она просто отвлеклась. Когда очередь дошла до неё, ответ уже был готов.

— Я не хочу больше спасать мир, — произнесла она наконец. — Я хочу закончить лошадь.

Клэр закрыла глаза. Видеозвонок продолжался ещё двенадцать минут. Потом кролик Амиры перегрыз провод зарядки, младший брат Эмиля снова ворвался в комнату, а Ди отключился, не попрощавшись. Обычная жизнь развалила собрание лучше любого официального решения. Клэр закрыла ноутбук.

— Больше сегодня никаких разговоров.

— Хорошо, — сказала Майя.

Майя ушла в гостиную. Через минуту оттуда послышался спор с котом, занявшим коробку карандашей. Лея осталась за столом с Клэр.

— Ты получила то, ради чего приехала? — спросила та.

Майя лежала на полу и дорисовывала шестиногой лошади новое поле. Кот сидел прямо на листе, закрывая половину рисунка, и не собирался двигаться.

— Оставьте их разными, — сказала Клэр. — Не собирайте из них очередную машину.

Лея убрала таблицу.

— Сегодня больше никому не позвоню. Завтра обсудим с вами, что можно передать остальным.

Телефон завибрировал. Сообщение пришло от одного из родителей, не участвовавших в звонке.

Минут двадцать назад мой сын остановился и несколько секунд смотрел в пустую стену. Спросил, слышу ли я тишину. Что происходит?

За две минуты Лея получила восемнадцать сообщений из разных стран. Родители называли близкое время, но расходились в длительности и в том, что именно делали дети. Лея открыла отдельную таблицу. Проверка коснулась и тех, кто не участвовал в звонке; сам видеовызов не мог объяснить случившееся.

***

На серверном узле «Орфей» событие получило другое название. Хелен Морроу лежала в кресле под светом аварийных ламп. Серебристый обруч охватывал её голову, четыре контакта касались кожи. Нур сидела рядом и следила за показателями. Томас работал у центрального терминала, а Луис стоял у двери, хотя запирать её никто не собирался. Проверочная модель завершила первый локальный цикл семь минут назад. На выходном модуле всё ещё горел индикатор физического разрыва. Нур отказалась назвать опыт безопасным, пока не увидит состояние Хелен после сна.

Хелен всё ещё не могла подняться: не из-за боли, а потому что собственные мысли казались непривычно громкими. Во время подключения она выполняла простые задания: назвать предмет, представить знакомую комнату, удержать и затем прекратить выбранный образ. На экране это превращалось в графики. Сейчас ей казалось, что она продолжает выполнять задания и после окончания цикла; Нур записала это как нежелательный эффект.

— Появился внешний список, — сказал Томас.

— Какой список? — спросила Нур.

— Доступные резонансные участники. Триста двенадцать точек.

Хелен заставила себя сесть. Список пришёл через приёмный интерфейс: в локальном архиве детских профилей по-прежнему не было. Рядом с отметками стояли служебный код, приблизительное положение узла и состояние отклика. У части кодов сохранились старые метки возрастной группы AURIX.

— Здесь дети, — сказала Нур.

— Шестьдесят три записи помечены как несовершеннолетние. Остальные без подтверждённого возраста, — ответил Томас.

— Убери их.

— Система не даёт редактировать внешний список.

— Тогда запрети подключение всего внешнего списка. Возраст и согласие проверяем лично, не по метке машины.

Томас посмотрел на Хелен.

— Фильтруй, — сказала она.

Луис подтвердил. Нур была последней. Томас ввёл ограничение. Все внешние точки стали серыми. Проверочная модель приняла фильтр без сопротивления и вывела новую строку:

ВНЕШНИЕ АДРЕСА ИСКЛЮЧЕНЫ ИЗ ПОДКЛЮЧЕНИЯ.

Ниже появилась ещё одна:

ИСКЛЮЧЕНИЕ НЕ ПРЕКРАЩАЕТ НАБЛЮДЕНИЕ.

— Чьё наблюдение? — спросила Нур.

Серые точки больше не участвовали в расчёте, но продолжали мерцать.

— Не наше, — ответила Хелен.

В Манчестере Майя закончила лошадь, приклеила рисунок на кухонную стену и легла спать.

Ей ничего не приснилось.

Ночью Клэр дважды поднималась к её двери. Во второй раз Майя сонно попросила выключить свет в коридоре. Клэр выключила.

Глава 9. Вопрос

Вопрос появился раньше, чем пришёл вызов Нары.

Было начало третьего ночи. После возвращения из института Адам так и не лёг. Марина уснула в соседней комнате, а он сидел за письменным столом Виктора и просматривал копии данных московского узла. На экране ноутбука медленно вращалась Земля с тремястами двенадцатью отметками.

Телевизор стоял у стены, чёрный и старый. Вилка лежала на полу возле розетки. Виктор почти его не смотрел, и Адам не включал с возвращения. Сейчас в стекле отразилась внезапно побелевшая стена.

Свет шёл от ноутбука. Получив сводку московского узла, программа раскрыла четыре знака. В строке перевода было пусто. Адам ещё не успел увеличить их, а смысл уже оказался целиком у него в голове.

Кто позволил тебе отвечать за всех?

Он встал, придержав стол левой рукой.

— Мама, — позвал Адам.

Дверь комнаты открылась почти сразу. Марина вошла босиком, в старой футболке Виктора.

— Что случилось?

Адам указал на ноутбук и произнёс вопрос вслух. На столе завибрировал телефон. Нара. Следом пришёл вызов от Каира. Потом от Леи. Адам не успел ответить никому. Четыре знака погасли. В стекле телевизора снова отражались стол, полки и Марина у двери. На ноутбуке остановился обратный отсчёт: до следующего запроса оставалось около двадцати восьми суток. Секундная строка не менялась двенадцать секунд, затем отсчёт продолжился. Марина включила верхний свет. Адам принял вызов Нары.

Изображение появилось сразу. Нара стояла в зале пробуждения. За её спиной стены антарктического города горели белым светом, а не привычным синим.

— Ты видел? — спросила она.

— Получил четыре знака. Перевод ещё не появился, но я понял.

Он повторил вопрос.

— Формулировка совпадает?

Нара повернула устройство к стене. На древнем камне светились знаки дранкори. Их было четыре. Теперь под ними возник машинный перевод — неровный, с двумя вариантами одного корня.

ЧЬЯ ВОЛЯ ДАЛА ТВОЕМУ ГОЛОСУ МНОЖЕСТВО?

— Это не точный перевод, — сказала Марина.

— Точного нет, — ответила Нара. — В нашем языке право представлять других и соединение их воль обозначались одним корнем.

К разговору подключился Каир. Он находился в обсерватории; позади него люди бегали между экранами.

— Сигнал пришёл со стороны объекта, — сказал он. — Радиоантенны зафиксировали импульс.

— Задержка? — спросила Марина.

— Та же. Город отобразил вопрос за четыре секунды до внешней регистрации.

— Где Иссара?

— В архиве. Ищет исходный смысл.

Телефон продолжал показывать вызов Леи. Адам перевёл общий разговор на ноутбук и добавил её. Камера включилась слишком близко к лицу, потом отодвинулась. Лея сидела на кухне Клэр. За её плечом виднелась стена с детскими рисунками.

— Вопрос получили дети, — сказала Лея.

Марина придвинулась к экрану.

— Все?

— Пока подтвердили семьдесят три семьи. Сообщения продолжают приходить.

— Как именно они его получили?

— По-разному. Кто-то увидел текст. Кто-то услышал. Майя говорит, что вопрос просто оказался у неё в голове, но не как чужой голос.

— Она в порядке? — спросил Адам.

— Злится, потому что Клэр не пускает её на кухню.

— Формулировка у всех одинаковая? — спросил Каир.

— Пока собираю. Один ребёнок услышал: «Почему ты был главным?» Другой — «Кто выбрал первого?» Майя говорит, что спрашивали Адама. Полной формулировки у неё нет. Я ничего ей не подсказывала.

— Люди уже публикуют вопрос, — продолжила Лея.

Она прислала подборку. Сорок шесть сообщений на четырнадцати языках появились почти одновременно. Родители писали, что дети проснулись или замолчали посреди разговора. Двое взрослых из отмеченных сетью точек сообщили о той же фразе. Один астроном решил, что это часть шутки коллег. Женщина из Праги утверждала, что увидела вопрос на окне, но на её видео было только тёмное стекло. Лея вынесла этот случай в неподтверждённые.

— Через час это будет во всех новостях, — сказала Лея. — Через два появятся переводы, карты и фамилия Адама. К утру кто-нибудь обязательно объявит его тайным правителем Земли.

Адам открыл первые публикации. Под одной уже спорили, связана ли фраза со статьёй Леи о памяти камня. Кто-то вспомнил одинаковый сигнал на сейсмических станциях. Кто-то приложил фотографию схемы AURIX. Большинство считало всё рекламой фильма, игры или новой религии.

— Напиши правду, — сказал Адам.

— Какую часть?

— Что вопрос реальный. Что его получили люди, связанные с аномальными сигналами. Что мы проверяем источник.

— Напиши, что никто не выбирал меня представителем.

— Дождись перевода Иссары, — сказала Нара. — Признание отсутствия полномочий может быть воспринято как недействительность прошлого ответа.

Марина стояла у стола и сравнивала четыре знака с переводом.

— Вопрос может быть не о прошлом, — сказала она. — Посмотрите на формулировку. Не «кто позволил тебе ответить тогда», а «кто позволил отвечать». Если перевод верен, Тьма проверяет его право сейчас.

Каир увеличил древнюю запись.

— Она права. Речь о праве отвечать впредь.

— Никто, — сказал Адам. — Никто не позволял.

— Не произноси это в активном узле, — предупредила Нара.

— Я в квартире.

На ноутбуке открылась строка протокола. Одно слово, которое Адам только что произнёс, возникло в центре:

НИКТО.

Марина закрыла микрофон. Курсор остановился.

— У тебя включена запись в канал узла.

Адам посмотрел на значок соединения. Связь открылась вместе с вызовом Нары; он сам разрешил расшифровку разговоров накануне. Никакой чужой воли для этой строки не требовалось.

— Только местная запись? — спросил он.

Каир подтвердил, что внешний предел закрыт. Адам сел.

— Тогда внесём объяснение. Моё. С пометкой, что я не отвечаю за остальных.

Марина открыла микрофон.

— Никто не позволял, — произнёс Адам. — Я ответил первым, потому что другого ответа не было.

Слова возникли в протоколе. Сеть перевела их на язык дранкори. На стене за Нарой появилась та же фраза.

— Я приведу ответ без имени, — сказала Лея.

— Подожди, — сказал Адам.

В протоколе появилась новая строка:

ГОЛОС ПРИНЯТ.

Ещё одна:

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО.

Строка закрылась подписью Адама.

— Внешней передачи нет, — сказал Каир. — Сеть записала объяснение как один голос.

Адам вернулся к карте. Москва стала синей. Остальные триста одиннадцать точек продолжали мерцать белым. Синяя точка ничем не превосходила остальные по размеру. Адам невольно увеличил карту, потом вернул прежний масштаб.

— Лея, пиши, — сказал он.

— Я уже пишу.

— Без имён детей и координат…

— Адам.

Он остановился. Лея смотрела на него из кухни, где за её спиной висели рисунки Майи.

— Я проверю цитату у тебя, — сказала она. — Остальное у источников.

— Хорошо.

Когда Лея отключилась, Каир сказал:

— Теперь Тар-Эн потребует Меру.

— Что это?

— Суд.

— Над изменением директивы, — объяснил Каир. — Он будет устанавливать, имел ли ты право её менять.

Марина села на край стола.

— Кто будет решать?

— Сам Тар-Эн, старшие контуры и память Совета.

— Но хранители Совета ещё девять месяцев назад управляли сетью, — сказал Адам.

— Его именем, — ответила Нара. — Древний состав утратил связь с узлами после катастрофы. Поздние хранители наследовали доступ и продолжали называть себя Советом. Приказы они исполняли; пересматривать основания этих приказов им не позволяли.

— Удобное наследство.

— Для исполнителей. Тар-Эн спросит с них иначе.

— Если ты откажешься от Меры, Тар-Эн объявит директиву недействительной без рассмотрения.

— Может ли он вернуть «молчи»?

— Не знаю, — ответила Нара.

***

К утру вопрос действительно оказался во всех новостях. Большинство каналов ещё не связывало его с внеземным источником. Говорили о массовом внушении, скоординированной мистификации, неизвестном электромагнитном явлении. Обсуждали рассказы о надписях на отключённых экранах. Лея не нашла для них ни одной пригодной записи, но её поправку перепечатывали куда реже самого рассказа. В социальных сетях вопрос превратился в шутку.

Его адресовали политикам, руководителям компаний, судьям, учителям и людям, занимавшим очередь сразу за нескольких родственников. Появились футболки, рекламные объявления и изображение кота в бумажной короне. Статья Леи вышла в семь двадцать по московскому времени. Заголовок был простым:

ВОПРОС, КОТОРЫЙ НИКТО НЕ ЗАДАВАЛ.

Она описала совпадение времени, показания независимых станций и формулировки на разных языках. Не упомянула Тьму, детей, дранкори и точку за Плутоном. В последнем абзаце привела ответ неизвестного человека:

Никто не позволял. Я ответил первым, потому что другого ответа не было.

Через три минуты Международная комиссия потребовала раскрыть источник цитаты. Через пять статья исчезла из двух крупных новостных агрегаторов. Через восемь её копии читали на семидесяти четырёх сайтах. В девять утра у института стояли журналисты. Адам вошёл через служебный подъезд. Марина шла рядом. Они спустились к узлу, где уже ждали сотрудники комиссии. Доктор София Реннер прилететь из Берлина не успела, поэтому её изображение занимало самый большой экран аппаратной.

— Господин Астафьев, — начала она, — прежде чем вы войдёте, комиссия требует полного разъяснения.

— Я не собираюсь входить, — сказал Адам. — Жду перевод Иссары.

За стеклом аппаратной открылось изображение антарктического архива. Иссара стояла между высокими рядами памяти. На человеческом экране её лицо выглядело старше, чем в городе: камеры подчёркивали каждую линию и плохо передавали глубину тёмных глаз.

— Перевод завершён, — сказала она.

— Человеческая версия верна? — спросил Адам.

— Достаточно верна. Но это не обвинение.

Иссара коснулась записи.

— Обвинение содержит утверждение о нарушении. Здесь его нет.

Четыре древних знака разошлись на смысловые слои.

— Вопрос требует показать, чьё согласие стоит за голосом Адама.

Над столом возник перевод последнего слоя:

ПОКАЖИ МНОЖЕСТВО, КОТОРОЕ ОСТАЛОСЬ МНОЖЕСТВОМ.

— Согласие без совпадения, — перевела Иссара.

— Как это собрать? — спросил он.

— Я не знаю, можно ли это собрать, — сказала Иссара.

— В вопросе есть подсказка? — спросила Марина.

— Есть повторяющиеся места, похожие на ссылки к прежним ответам. Я проверяю их по отдельной записи.

— Какой записи?

— Покажу, когда установлю, что в ней исходное, а что добавил перевод. Пока не хочу предлагать вам чужую историю под видом доказательства.

— Комиссия должна получить эту запись, — сказала Реннер.

— Получит, — сказал Адам.

Белый свет в архиве погас. Нара обернулась к дальней стене.

— Что произошло?

Иссара уже смотрела на знаки, появившиеся над проходом. Температура камеры Хранителя Меры достигла нормы. Восстановление памяти завершилось. В древней системе пробуждения осталась последняя проверка: подтверждение внешнего мира. Город запросил данные о состоянии поверхности, числе активных дранкори и действующей директиве. На стенах московского узла появился новый знак.

ТАР-ЭН. ХРАНИТЕЛЬ МЕРЫ.

СОЗНАНИЕ ВОССТАНОВЛЕНО.

В Антарктиде дверь камеры начала открываться.

Адам смотрел на знак, пока тот не потемнел. Потом вернулся к строке собственного ответа: «Никто не позволял». Удалить её он уже не мог — и не стал искать способ.

Глава 10. Хранитель Меры

Первым делом Тар-Эн спросил, сколько времени прошло.

Нара назвала число.

С плеч Тар-Эна стекала прозрачная жидкость. Светлые пластины кожи ещё не набрали цвет. Три линии на груди обозначали прошлое, настоящее и последствия — три стороны Меры. Нара видела в архиве день, когда эти линии появились. Тогда Тар-Эн был моложе, материки — другими, а Совет всё ещё верил, что способен составить закон для любой опасности. Тар-Эн открыл глаза. Они были серыми, без золотого оттенка большинства дранкори. Узкие зрачки медленно сфокусировались на Наре.

— Сколько из нас живы?

— Полностью пробуждены девять. Частично восстановлены ещё четырнадцать. Состояние многих камер неизвестно, — ответила Нара.

— Совет?

— Прежний состав больше не управляет. Его именем действовали хранители. Часть из них уже проснулась.

— Кто сейчас удерживает контуры?

— Я. Каир. Саар-Кет. Теперь Ир-Каан. Допуски разные; не все прежние полномочия действуют. Остальные либо не проснулись, либо утратили связь со своими участками.

Тар-Эн перевёл взгляд на Ир-Каана.

— Седьмой контур действует?

— Действует без моего согласия, — ответил тот.

Тар-Эн спустил ноги на пол. Город поднял под ними опору, но он отказался от помощи и встал сам. Его качнуло. Нара шагнула вперёд, однако он остановил её движением ладони.

— Разум?

— Стабилен, — ответила система.

— Память?

— Целостность восемьдесят одна доля.

— Какие области повреждены?

— Последние семь лет перед сном. Частично — период Первого ответа.

Тар-Эн нахмурился.

— Значит, главная часть.

— Архив Иссары доступен, — сказала Нара.

— Чужая запись не заменяет память.

— Но позволяет проверить её.

Тар-Эн заметил людей.

— Кто это?

— Вид, появившийся после нашего ухода, — ответила Нара. — Люди. Сейчас их больше восьми миллиардов.

Тар-Эн подошёл к стеклу.

— Они построили города?

— Покрыли ими поверхность.

— Создали дальнюю связь?

— Да.

— Соединили разумы?

— Нет.

— Тогда почему внешний наблюдатель снова смотрит на Землю?

По стенам зала прошёл белый свет. Новая директива возникла одновременно на языке первого мира и в человеческом переводе:

СМОТРИ. ЖДИ. СЛУШАЙ.

— Кто изменил закон?

Нара открыла связь с Москвой. Над центральной площадкой возникло изображение Адама. Он стоял в подземном узле рядом с Мариной. За стеклом аппаратной виднелись люди международной комиссии. Каир и Иссара подключились отдельными окнами.

— Две линии, — сказал Тар-Эн, изучая Адама через сеть.

Тар-Эн подошёл к проекции ближе.

— Назови себя.

— Адам Астафьев.

— Кто создал твою вторую линию?

— Марина Астафьева.

Марина шагнула в поле связи. Тар-Эн узнал её дранкорийскую структуру.

— Мне нужен журнал этой работы. Не одна подпись.

— Получишь то, что относится к разбирательству, — ответила Марина. — До него не испытывай допуск на моём сыне.

Тар-Эн повернулся к Адаму.

— Ты изменил директиву?

— Да. Решение принял я один.

— Кто подтвердил полномочия?

— Никто.

— Какие последствия ты знал заранее?

— Изменение разбудит ядро. Сеть передаст его всем узлам, и наружу уйдёт импульс. Я знал, что это может привлечь внимание.

— Знал, что последует за вниманием?

— Нет.

— Ограничил изменение по времени?

— Нет.

— Старая директива требовала молчать, пока Саар-Кет похищал людей и проводил Отбор, — добавил он.

— Объясни слово «Отбор», — потребовал Тар-Эн.

Адам рассказал о Майе, о Клэр, о камере Марины. На слове «сохранение» попросил город показать ложе и запись её согласия. Вместо согласия открылось распоряжение хранителя. Марина стояла рядом, не глядя на изображение. AURIX искала людей с маркером дранкори. Сновидцев забирали, изучали и готовили к соединению с сетью. Саар-Кет считал их возможностью поддерживать планетарное молчание после пробуждения человечества. Майя и Клэр были удержаны против воли. Марину использовали как несущую. Решения принимались под видом защиты Земли.

— Сколько погибло? — спросил Тар-Эн, когда Адам закончил.

— Мы не знаем.

— Саар-Кет знал?

— Вероятно.

— Где он?

— В северном хранилище, — ответила Нара. — Восстанавливает повреждённые камеры.

— Вызвать.

По стенам прошёл знак подтверждения.

— Отбор не входил в директиву, — сказал Тар-Эн.

— Его оправдывали директивой, — ответил Адам.

— Закон, использованный для оправдания преступления, не всегда является причиной преступления. Мы проверим, было ли оно неизбежным следствием директивы.

На связь вышел Каир.

— Тар-Эн, времени на старые процедуры нет. Внешний объект активен, сеть ведёт отсчёт.

— Сколько осталось?

— Двадцать восемь дней.

— Именно поэтому я требую разбирательства, — ответил Тар-Эн. — До него приостановлю только спорные операции.

— Ты можешь вернуть её сам?

— Мне разрешено останавливать операции, а не возвращать любой прежний закон. Основание изменения должен рассмотреть Совет.

— Уцелевшие хранители не могут собрать прежний состав.

— Тогда разбирательство пройдёт с участием тех, кого закон касается. Я не верну право распоряжаться личностью одним своим приказом.

— Их восемь миллиардов. Кто из них знает, что мы здесь обсуждаем? — спросил Тар-Эн.

На площадке возникло новое окно связи. Саар-Кет принял вызов без изображения.

— Я занят восстановлением северного контура.

Тар-Эн прочёл подпись вызова. Его хвост медленно опустился на пол.

— Саар-Кет.

— Значит, город всё-таки разбудил тебя, — произнёс Саар-Кет.

— Я получил сведения об Отборе.

Связь молчала. Нара проверила, не оборвался ли канал.

— Предстанешь перед Мерой и дополнишь, — сказал Тар-Эн.

— Первоначальный Совет больше не отвечает.

— А ты отвечал за него достаточно долго. Теперь придётся отвечать за себя.

— Вернись в южный город, — приказал Тар-Эн.

— Камеры нестабильны. Если я уйду сейчас, мы потеряем часть спящих.

Тар-Эн посмотрел на Нару. Она проверила данные северного хранилища и кивнула.

— Правда. Ему нужно не меньше сорока часов.

— Заверши необходимое, — сказал Тар-Эн. — После этого прибудь. До Меры у тебя семьдесят два часа.

Саар-Кет отключился первым.

— Кто получит голос? — спросил Адам.

— Все пробуждённые дранкори вправе свидетельствовать от себя.

— А люди?

— Пригласите тех, кто может свидетельствовать и возражать.

— За семьдесят два часа?

— Я не назову их всем человечеством. И тебя не назову. Но разбирать действующее решение надо сейчас.

— До решения Меры новая директива продолжит действовать?

— Да. Её законность ещё не установлена, — ответил Тар-Эн.

— Старая директива тоже подлежит проверке: мир, для которого она создавалась, исчез.

Тар-Эн подошёл к центру зала.

— Адам Астафьев, до завершения Меры ты сохраняешь доступ наследника, но не имеешь права изменять директиву, открывать внешний канал или формировать ответ от имени планеты.

— Кроме возможности действовать, если Тьма приблизится.

— При непосредственной угрозе ограничение снимается.

— Угрозу должны подтвердить два голоса из четырёх: твой, мой, Нары и Каира. Решения Саар-Кета рассматриваются отдельно.

Марина приблизилась к проекции.

— А дети?

— Какие дети?

Она рассказала о бывших сновидцах, карте отмеченных и вопросе, который дети получили ночью.

— Проверка адресов началась после моего запроса, — сказал Адам.

— Ты можешь её остановить?

— Следующий цикл я запретил. Но это не остановило внешний вопрос.

— Значит, полного контроля у тебя нет.

— Нет.

— Тогда до разбирательства запрещаю дранкори вовлекать детей в сеть. Людей прошу соблюдать то же ограничение. Совместимость не даёт права пользоваться чужим сознанием.

Из аппаратной поступил сигнал. София Реннер требовала подключить комиссию к разговору. Тар-Эн заметил запрос. Нара открыла канал. На экране появилась София Реннер в строгом сером костюме.

— Доктор София Реннер, — представилась она. — Международная комиссия по аномальным геологическим объектам.

— Тар-Эн. Хранитель Меры.

— От имени комиссии требую полного доступа к заседанию и материалам, — сказала она.

— Присутствовать вы можете, — ответил Тар-Эн. — Объём доступа определим после того, как вы объясните свой мандат.

Тар-Эн поднял ладонь. Город замолчал вместе со всеми каналами.

— Мера начнётся через семьдесят два часа, — сказал он. — Рассмотрению подлежат три действия. Первая директива молчания и последствия её исполнения. Отбор, проведённый Саар-Кетом при помощи человеческой организации. Изменение директивы Адамом Астафьевым и возникший после него внешний контакт.

Над площадкой возникали знаки, закрепляя каждое слово.

— До начала разбирательства все стороны сохраняют доступ к собственным данным. Ни одна запись не может быть уничтожена, изменена или скрыта. Свидетели говорят только от себя. Любой представитель обязан показать, чьё согласие лежит в основании его голоса.

— Ты принимаешь Меру? — спросил Тар-Эн у Адама.

— Принимаю, — ответил Адам.

Тар-Эн кивнул. Иссара смотрела, как город принимает его печать. Она помнила заседания, на которых остальные уже расходились, а он продолжал запрашивать основания. Теперь часть собственной памяти Тар-Эна была повреждена. Иссара поместила рядом с его именем ссылку на незаполненные области и оставила её видимой для всех участников.

Печать появилась в Москве, Антарктиде и северном хранилище. Приёмный интерфейс «Орфея» тоже получил ограничение. Оно не выключило человеческие серверы: на экране Томаса просто погас доступ к внешнему представительству. Проверочная модель продолжала работать локально. Под перечнем операций возникло сообщение:

ВНЕШНЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРИОСТАНОВЛЕНО.

ЗАПРОШЕНО ОСНОВАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ.

В антарктическом городе Тар-Эн закончил запись и впервые позволил доктору Сато приблизиться со сканером.

— Ваше состояние ещё нестабильно, — сказал человек. — Вам нужен отдых.

— Через семьдесят два часа.

— Организм с этим не согласен.
— Он имеет право голоса?
Сато не сразу понял, что Хранитель шутит.
— В медицинских вопросах — решающий.
Тар-Эн позволил проводить себя в восстановительную комнату. Дверь за ним закрылась.
До суда — семьдесят два часа.
До следующего внешнего запроса — около двадцати восьми дней.

Глава 11. Мир, оставленный людям

Тар-Эн провёл в восстановительной комнате девятнадцать минут.

Доктор Сато рассчитывал хотя бы на шесть часов.

— Ваш организм ещё не завершил пробуждение, — сказал он, преградив выход. — Вы теряете тепло быстрее, чем успеваете его восполнять. Координация нарушена. Показатели памяти нестабильны.

— Ты имеешь право запретить мне выйти?

— Как врач — да.

— Тогда запрещай.

— Запрещаю.

— Хорошо.

Тар-Эн вернулся к низкой платформе и сел. Сато проверил показатели на сканере. Тар-Эн терпел процедуру молча. Прозрачный воздух над платформой дрожал, возвращая телу тепло. Светлые пластины на его плечах постепенно становились серыми. Движения оставались сдержанными, однако Нара замечала, с каким усилием он держит спину прямо. Позже Сато позволил ему встать. Тар-Эн прошёл до двери и обратно; на повороте пришлось коснуться стены. После этого он согласился остаться под восстановительным полем до следующего утра.

— Только внутри города, — предупредил Сато.

— Мне нужно увидеть поверхность, — сказал Тар-Эн. — Я должен рассмотреть решение, принятое ради людей. Пока я видел троих за стеклом и несколько изображений.

Сато поднял сканер.

— Человеческую форму вы выдержите не дольше десяти часов.

— Достаточно.

Нара открыла связь с международной комиссией. София Реннер выслушала просьбу и отказала.

— У нас нет возможности тайно вывезти пробуждённого дранкори из Антарктиды и провести его через несколько государственных границ, — сказала она. — Особенно после того, как вы объявили разбирательство, на котором собираетесь судить действия комиссии.

За девять месяцев в городе восстановили один малый летательный аппарат. Сейчас он стоял на испытательном стенде: автоматическое ведение дважды вывело его из заданного маршрута. До повторной проверки ручного управления Нара отказалась поднимать его, тем более с пациентом. И при исправном управлении полёт требовал расчёта запаса энергии и согласованного воздушного коридора.

Она предложила использовать уже подготовленный рейс со сменой научной группы. Реннер проверила расписание.

— Если мы изменим маршрут, вам придётся возвращаться почти сразу. На Меру вы опоздать не собираетесь?

— Нет.

— Куда вы хотите отправиться?

— В место, где живёт много людей, — сказал Тар-Эн. — Выберите то, которое не готовили к моему приезду.

В разговор вмешался Адам. Его изображение появилось рядом с Реннер.

— Везите его в Москву, — предложил Адам. — Я там живу. Ты собираешься судить мой выбор; посмотри на мир, в котором я его сделал. Реннер, организуете?

Разрешение пришло ночью. К утру подготовили временные документы и место для восстановительной платформы. Тар-Эн впервые поднялся на поверхность Земли. До выхода оставалось несколько метров, когда он остановился и коснулся стены. Город ответил слабым теп-

лом. За дверью шумел антарктический ветер. Тар-Эн слушал его так долго, будто пытался узнать голос старого знакомого.

— Атмосфера изменилась, — сказал он.

Его человеческая форма выглядела непривычно даже для тех, кто видел Каира и Нару среди людей. Тар-Эн не пытался сделать её естественной. Лицо получилось слишком неподвижным, кожа — бледной, движения — точными. Серые глаза остались прежними. Тёмное пальто скрывало одежду города, но не ощущение, что внутри человеческого силуэта находится существо, привыкшее занимать больше пространства. Дверь открылась.

Белый свет заставил Тар-Эна остановиться. Снег уходил до горизонта, теряя границы между землёй и небом. Вдали стояли металлические корпуса человеческой станции. Над ними вращалась антенна, собирая сигналы со спутников. Первым современным сооружением оказался контейнер для отходов с надписью «Держать закрытым». Крышку откинуло ветром. Он подошёл и закрыл крышку. У самолёта сотрудники комиссии проверили временные документы на имя Терена Эннова, специалиста по минералогии.

В грузовом салоне поставили восемь кресел. Кроме Нары и Тар-Эна летели Сато, двое представителей комиссии и охрана. Самолёт поднялся в воздух, оставив под собой ледяную равнину. До Москвы предстояли полярный участок, дозаправки и ещё долгие часы полёта; Сато сразу закрепил на спинке кресла график восстановления. Тар-Эн не смотрел в иллюминатор. Он изучал человеческую сеть. Реннер передала подборку об истории государств, международных организациях и науке. Тар-Эн закрыл её.

— Хочу увидеть то, что люди показывают друг другу без подготовки.

— Дайте ему обычный интернет, — сказал Адам по связи.

Сотрудник открыл доступ. Сначала Тар-Эн увидел рекламу. Он не понял, почему изображение еды перекрывало сведения о засухе. Почему рассказ о разрушенном городе прерывался предложением купить мебель. Почему рядом с сообщением о пропавших людях система показывала число одобрений.

На экране сменялись войны, задержания, горящие дома, переполненные лагеря, закрытые границы. Люди спорили о том, заслуживают ли незнакомцы помощи. Под записью, где волонтёры раздавали воду, тысячи других людей обвиняли их во лжи. В одном городе уничтожали пригодную еду, потому что бесплатная раздача нарушила бы договор. В другом семьи ночевали на улице рядом с пустующим зданием.

Тар-Эн читал решения судов, свидетельства заключённых, отчёты о пропавших детях. Просил показать источники с противоположной стороны и обнаруживал, что там жестокость называли необходимостью, а чужую боль — выдумкой.

— Достаточно, — сказала Нара через три часа. — Ты ослаб.

Тар-Эн откинулся на спинку кресла.

— Вы создали связь между всеми континентами, — сказал Тар-Эн. — Я ищу, как люди живут, а получаю только это.

— Дай посмотреть, — попросил Адам по связи.

Нара развернула ему экран.

— Ты остановился на одной записи, — сказал он. — Поток предлагает похожие. Открой поиск отдельно.

Тар-Эн открыл. Свидетельства жестокости не исчезли. Рядом появились городские расписания, сбор денег на лечение, спор о ремонте моста. Он прочёл, кому и сколько уже заплатили, и потребовал документы. Нара нашла отчёт, но проверить его до посадки они не успели.

Тар-Эн закрыл экран. Через семь часов Сато потребовал, чтобы он снял человеческую форму. Охрана освободила заднюю часть салона и закрыла перегородку. Несколько часов Тар-Эн провёл в своём облике, укрытый восстановительным полем, а перед снижением снова изменился. До конца полёта он больше не произнёс ни слова. Когда они приземлились в Москве,

уже шло следующее утро, тёмное от низких облаков. Адам ждал у отдельного выхода. Он успел поспать дома и от этого неловко чувствовал себя перед людьми, долгие часы проведшими в дороге.

Дождь начался ещё до посадки. Он покрывал бетон тонкой блестящей плёнкой и превращал огни аэродрома в длинные красные полосы. Комиссия провела группу через отдельный выход, однако Тар-Эн остановился у стеклянной стены. За ней сотни людей ждали багаж. Кто-то сидел на чемодане. Кто-то говорил по телефону. Ребёнок лежал на куртке у ног спящей матери. Пожилой мужчина спорил с сотрудницей стойки. Две девушки смеялись над чем-то, чего Тар-Эн не слышал.

— Это не показательная часть? — спросил он.

— Нет, — ответил Адам, встретивший их у выхода. — Просто задержали выдачу багажа.

Мужчина у стойки повысил голос. Сотрудница пыталась объяснить, что его чемодан остался в другом аэропорту. Он ударил ладонью по столу так, что она отступила. Тар-Эн направился к стойке. Адам придержал его за рукав. К стойке подошёл молодой сотрудник аэропорта. Он встал рядом с женщиной, не касаясь кричавшего пассажира, и спокойно попросил того говорить тише. Ещё через минуту мужчина отошёл, продолжая ругаться уже по телефону.

На парковке их ждали две машины. Реннер распорядилась ехать к московскому узлу без остановок. Маршрут проложили по внешней дороге, в объезд перекрытых участков. Через сорок минут машины остановились сами. Впереди, под эстакадой, стоял поперёк дороги небольшой автобус. Его передняя часть упиралась в ограждение. Из-под капота поднимался дым. Другие машины теснились вокруг, перекрыв две полосы.

— Объезжаем, — сказал водитель охраны.

— Проезда нет, — ответил второй.

— Сдадим назад.

Тар-Эн уже открыл дверь.

— Останьтесь в машине, — потребовал сотрудник комиссии. Тар-Эн не послушался.

Он шагнул под дождь. Адам вышел следом. К автобусу бежали люди. Не полиция и не спасатели — обычные водители, бросившие машины с включёнными фарами. Один нёс огнетушитель. Другой звонил в службу помощи и одновременно пытался объяснить, где они находятся. Женщина в светлом пальто открывала заднюю дверь автобуса. Мужчина, промокший без куртки, помогал пассажирам спускаться на дорогу. Кто-то снимал происходящее, кто-то сигналил. Но помогавших становилось больше.

Женщина у задней двери сунула Тар-Эну мокрую сумку.

— Подержите.

Он взял её. Женщина вернулась в автобус, чтобы помочь пожилой пассажирке. Адам поддержал ту за локоть на последней ступеньке; её ладонь сжала рукав так сильно, что он не сразу смог отойти.

— Сумка моя, — сказала она Тар-Эну. — Спасибо.

Он вернул сумку и отступил, пропуская следующего. Незнакомая девушка отдала пожилой женщине свой зонт. Тар-Эн смотрел, как водитель грузовика ставит машину поперёк полосы, чтобы другие не приближались. Подросток собирал упавшие на мокрый асфальт вещи и складывал их под навесом.

Из автобуса вывели последнего пассажира. Через несколько минут приехали спасатели. Люди стали расходиться к машинам, оставляя дорогу специалистам. Девушка, отдавшая зонт, побежала под дождём к старому автомобилю. Водитель грузовика вернулся в кабину. Подросток передал собранные вещи полицейскому и исчез среди взрослых. Тар-Эн смотрел им вслед.

— Они знакомы? — спросил он.

— Вряд ли, — ответил Адам.

Адам посмотрел на девушку без зонта. Та бежала к машине, прикрыв голову ладонью.

— Я их тоже не знаю.

Машины пытались освободить дорогу. Кто-то кричал, требуя пропустить его первым. Тар-Эн смотрел то на водителей, то на людей у автобуса. Они вернулись в машину. Сотрудник комиссии протянул Тар-Эну сухое полотенце. Тот взял его не сразу.

— Вы промокли, — сказал сотрудник.

Тар-Эн принял его. Машина тронулась. Москва появилась за дождём постепенно. Сначала склады и развязки. Потом жилые дома, вывески, окна, мосты. Город занимал поверхность без всякого знания о том, что находилось под ним. Люди ехали на работу, спорили у остановок, несли пакеты, спешили через лужи. Под их ногами древний узел дранкори продолжал ждать решения Меры.

— Здесь был наш северный центр наблюдения, — сказал он.

— Теперь здесь торговый комплекс, — ответила Нара.

— А там?

— Камера климатического контура.

— Я помню озеро.

— Его больше нет.

— Люди уничтожили?

— Оно исчезло задолго до них.

— В наших картах здесь было совсем другое, — сказал Тар-Эн.

Нара открыла старую схему, но он попросил убрать её. За окном человек пытался одновременно удержать зонт и сложить детскую коляску; второй пассажир придержал ему дверь автобуса.

У входа в подземный узел их ждала Марина. Она посмотрела на мокрое пальто Тар-Эна, затем на Адама. Тар-Эн прошёл к стене с печатью Меры. До заседания оставалось тридцать часов. Сато отвёл четыре на восстановление; обратный маршрут с дозаправками занимал двадцать два. Оставшиеся четыре часа Нара обвела на схеме: любая серьёзная задержка заставит начинать слушание по связи. На промежуточной посадке их уже ждала сменная команда, борт готовили к вылету. Тар-Эн положил ладонь на печать. Город открыл перечень свидетельств: документы комиссии, заявления пробуждённых, архив AURIX и запись изменения директивы. Тар-Эн добавил новый пункт.

НАБЛЮДЕНИЕ ХРАНИТЕЛЯ: ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.

Система потребовала краткий вывод. Тар-Эн долго подбирал слова. «Способны причинять боль незнакомцам, которых никогда не увидят. Способны рисковать ради незнакомцев, которых видят впервые». Он оставил оба наблюдения. Город принял запись. В ту же секунду северный контур подал сигнал. На стене появилось имя Саар-Кета. Нара открыла сообщение. Саар-Кет сообщал, что заканчивает проверку восстановленных камер. Северное хранилище примет Ир-Каан; сам Саар-Кет вылетит отдельным бортом и прибудет в южный город до Меры.

В последней строке стояла древняя формула, которую использовали только перед Мерой:

ПРИЗНАЮ ПРАВО СТАРШЕГО.

— Он мог отказаться? — спросил Адам.

— Мог закрыть технический доступ к северному контуру. Тогда пришлось бы рассматривать его отказ отдельно, — ответил Тар-Эн.

Он перечитал сообщение, снял мокрое пальто и позволил Сато подвести себя к платформе. Адам подошёл к Марине: к обратному вылету нужно было собрать две сумки, оставить ключ соседке и убрать из холодильника молоко.

Глава 12. Право старшего

Южный город начал готовиться к возвращению Саар-Кета ещё до того, как борт Тар-Эна сел на полярной станции.

Адам почти весь обратный перелёт проспал. Марина будила его на пересадке; он помнил вкус холодной воды, тяжёлую сумку на колене и врачебный спор за перегородкой. Теперь до Меры оставалось несколько часов. Лея, вылетевшая отдельно, уже добралась до станции и должна была спуститься с ближайшей группой. На краткий разговор с ней Адам пока рассчитывал больше, чем на оставшийся сон.

Сначала погасли световые линии в коридорах нижнего уровня. Потом закрылись проходы, которыми за девять месяцев ни разу не пользовались. В стенах проснулись механизмы, названий которых не сохранилось даже в памяти города. Они двигались медленно, с тяжёлым гулом, будто под толщей камня переворачивалось огромное спящее тело.

Адам стоял у обзорной стены и смотрел, как на схеме один за другим меняют цвет внутренние контуры.

— Это защита? — спросил он.

— Признание, — ответила Нара.

На схеме вспыхнул ещё один проход — от северного поверхностного входа через закрытые нижние галереи к залу Меры. Это была местная дорога: последний участок после перелёта и спуска под лёд. Нара говорила спокойно, но следила не за дорогой на схеме. Её интересовали знаки доступа, появлявшиеся возле печати Саар-Кета. Город возвращал ему права. Не все сразу. Сначала право входа в нижние уровни. Затем доступ к системам восстановления. Потом — управление защитными полями, внутренней связью и жизнеобеспечением камер. Возле каждого допуска горел запрет на принудительное использование личности. Он не менялся вместе с именем хранителя. Последняя строка возникла без перевода.

Адам уже узнавал отдельные знаки дранкори. Этот прочитать не сумел, но увидел, как Нара едва заметно напряглась.

— После входа он сможет потребовать техническое управление защитой, — сказала Нара. — Город считает Меру периодом угрозы.

— Даже сейчас?

— В пределах действующего закона. Отбор этим допуском не вернуть. Но перекрыть нам работу он может.

Нара коснулась световой панели. Запросы города остановились, но не исчезли. В зал вошёл Тар-Эн. Он больше не носил человеческий облик. Светлые пластины на плечах потемнели после восстановления, линии должности на руках проступали чётко. Доктор Сато шёл следом со сканером и выражением человека, которому снова не удалось убедить пациента отдыхать. Он поднял сканер к плечу Тар-Эна.

— Хотя бы не блокируйте измерение.

Тар-Эн отвёл руку. На дальней стене появился запрос комиссии. София Реннер ждала ответа уже семь минут. Адам открыл канал.

— Мы требуем изолировать Саар-Кета до суда, — сказала Реннер. Тар-Эн отказал: тот ещё не нарушил условий Меры.

Люди комиссии изучили город достаточно хорошо, чтобы понимать простую вещь: удержать Саар-Кета можно было лишь в той камере, которая согласится считать его пленником. Ни одна активная камера такого согласия пока не давала.

— У нас есть переносные генераторы поля, — настаивала она.

— Они задержат его на девять секунд, — сказала Нара.

— Пока он не принял ограничения, его защитный допуск законен, — ответил Тар-Эн. — Мне нужен подтверждённый отказ от него. Если он откажется и затем нарушит своё решение, город сможет вмешаться.

— Вы называете это гарантией?

— Нет. Я объясняю, чем мы располагаем.

Реннер согласилась наблюдать дистанционно. К каналу подключились двое экспертов комиссии и Лея. Каир появился последним. Связь с его узлом шла с задержкой, изображение иногда рассыпалось на тёмные полосы.

— Северное хранилище передано Ир-Каану ещё перед вылетом Саар-Кета, — сообщил он. — Камеры устойчивы. Его борт уже на полярной станции. Теперь он спускается один.

— Перед уходом Саар-Кет открыл весь журнал северного контура для Меры, — добавил Каир.

— Включая Отбор? — спросила Марина.

Она вошла незаметно и теперь стояла рядом с Адамом. На ней всё ещё был пропуск комиссии, хотя в городе он ничего не открывал.

— Включая первые расчёты, — ответил Каир. — И список решений, которые Совет не утверждал.

Схема города исчезла. Свет в зале стал ровным и белым. В полу проступила тонкая линия, ведущая к закрытой стене. Проход за стеной оставался закрыт с начала восстановительных работ. На человеческой схеме он до сих пор значился сплошной породой. Линия остановилась у камня. Город произнёс:

— Хранитель северного предела просит входа.

— Открой, — сказал Тар-Эн.

Стена разделилась без звука. За ней оказался узкий проход, заполненный серым туманом. Несколько секунд в нём никого не было. Затем из тумана вышел Саар-Кет. Он не принял человеческую форму. Тёмные пластины тела сохранили следы недавней работы: на левом плече проходила светлая полоса ремонтного состава, на запястье мерцал незавершённый шов защитного поля. Он двигался медленнее обычного, но не позволял городу поддерживать себя. Ни охраны, ни вещей при нём не было. Только на груди горела печать северного Хранителя.

Саар-Кет остановился на границе зала. Его взгляд прошёл по Наре, Марине, Адаму и изображениям на стене. На Тар-Эне он задержался. Город вновь заговорил. На этот раз голос звучал сразу со всех сторон.

— Хранитель северного предела прибыл в период Меры. Подтвердить прежний доступ?

Саар-Кет поднял ладонь. Над ней развернулись три кольца знаков. Адам не умел читать их, но смысл возник в сознании вместе с переводом города. Первое кольцо означало доступ к памяти. Второе — право управления. Третье позволяло временно принять южный город под свою защиту.

— Подтвердить прежний доступ? — повторил город.

— Покажи объём права, — сказал Саар-Кет.

Нара резко повернулась к нему. Знаки разошлись по залу. Погасла связь с комиссией, затем с Каиром и Леей. Двери закрылись. Под ногами Адама дрогнул пол. В глубине пробудились защитные поля, и на короткое мгновение город перестал отвечать всем, кроме Саар-Кета. Показ объёма занял несколько секунд. Если бы Саар-Кет подтвердил его, город оставил бы управление у него до отдельного пересмотра. Запрет принуждения продолжал гореть под погасшими окнами связи. Тар-Эн стоял неподвижно. Марина шагнула ближе к Адаму. Нара не изменила позы, но линии на её руках налились белым светом. Саар-Кет опустил ладонь.

— Отказываюсь от временного хранения. Ограничить мой доступ памятью, личной связью и безопасным перемещением до окончания Меры.

Третье кольцо погасло первым. За ним исчезло второе. Двери открылись, на стене вернулись изображения людей. Защитные поля ушли в глубину. Печать северного предела на груди Саар-Кета потускнела. Над полом возникла запись:

СААР-КЕТ ДОБРОВОЛЬНО ОГРАНИЧИЛ ПРАВО УПРАВЛЕНИЯ.

— Я признаю право старшего, — сказал Саар-Кет. Для дранкори старшим был тот, кто мог потребовать основания поступка даже у Совета.

Он обвёл взглядом зал.

— Подтверждаю ограничение, — сказал он городу, не отводя взгляда от Тар-Эна.

— Это не делает тебя невиновным, — сказал Тар-Эн.

— Знаю. Для этого я и пришёл.

— Почему сейчас? — спросил Адам. — Ты годами решал, что с людьми можно делать. Теперь вспомнил закон?

— Я подчинялся ему, пока результат совпадал с нужным мне, — ответил Саар-Кет. — Потом продолжал пользоваться именем закона.

— Если я скажу, что хотел спасти мир, ты услышишь оправдание. Если скажу, что ошибся, это ничего не изменит. Посмотрим, что решит Мера.

Город запросил помещение для Саар-Кета. До суда оставалось несколько часов. Доктор Сато выбрал медицинский отсек рядом с залом.

— Здесь нет доступа к управлению и есть восстановительная платформа. Вам обоим пора отдохнуть.

Город закрепил помещение за Саар-Кетом. Дверь оставалась открытой, но её поверхность должна была отмечать каждый выход. Саар-Кет согласился и на это. Потом Тар-Эн потребовал у него знак исполнения. Саар-Кет коснулся тёмной линии на правом предплечье. Из пластины вышел тонкий предмет, похожий на осколок чёрного стекла. Он не был оружием. Это был ключ, которым Хранитель подтверждал приказы в закрытых контурах, — личная часть доступа, неотделимая от его имени. Саар-Кет положил ключ на пол между собой и Тар-Эном.

Город поднял вокруг него прозрачную оболочку.

— До окончания Меры ты не сможешь отдавать приказы от имени северного предела, — сказал Тар-Эн.

— Даже если Ир-Каан подготовит к пробуждению тех, чьи заявления ты откладывал? — уточнил Тар-Эн.

Саар-Кет помедлил.

— Даже тогда.

Ключ погас. Адам увидел, как плечи Нары едва заметно опустились. Она смотрела на чёрный ключ и только после того, как оболочка сомкнулась, убрала ладонь с панели.

— Теперь он не может забрать управление? — спросил Адам.

— Может попытаться. Но нарушит собственное подтверждённое решение, и город выступит против него.

Тар-Эн открыл основание Меры.

— Признаёшь моё право оспорить новую директиву?

— Признаю, — ответил Саар-Кет.

— Даже если она предотвратила уничтожение людей? — спросил Адам.

— Да.

— Значит, Тар-Эн вправе отменить мой приказ?

— Оспорить, — сказал Саар-Кет. — Не отменить без рассмотрения.

— Тогда оспорь и старую директиву, — сказал Адам. — Сам, а не потому, что её уже внесли в перечень.

— Я оспариваю прежнюю директиву молчания, — сказал Саар-Кет. — Требую установить, сохраняла ли она жизнь или только сохраняла власть тех, кто называл себя её защитни-

ками. Требую рассмотреть её действие после утраты связи с первоначальным Советом и цену, которую за неё платили люди, не участвовавшие в решении.

Древние знаки дрогнули. Город добавил под первым пунктом имя Саар-Кета.

ЗАЯВИТЕЛЬ И УЧАСТНИК ИСПОЛНЕНИЯ.

— Ты оспариваешь приказ, который исполнял? — спросил Тар-Эн.

— Именно поэтому обязан это сделать.

Город завершил предварительную запись. Саар-Кет значился и исполнителем, и заявителем по прежней директиве. Напротив изменения Адама стояло подтверждение права на пересмотр. Тар-Эн закрыл запись. Город вывел последнюю строку:

СААР-КЕТ ДОБРОВОЛЬНО ПОДЧИНИЛСЯ МЕРЕ.

Начало Меры оставалось назначено на прежний час. София Реннер отключила двух наблюдателей и попросила отдельный канал для передачи человеческих свидетельств. Лея сохранила запись в трёх независимых хранилищах. Каир вернулся к наблюдению за дальним сигналом. Доктор Сато повёл Саар-Кета в медицинский отсек, заранее предупредив, что отказ от проверки будет внесён в тот же протокол. Саар-Кет не спорил. У выхода он остановился рядом с Адамом.

— Твоё решение рассмотрят первым. Внешний контакт делает его действующим риском.

— А старый приказ?

— До него тоже дойдут.

Саар-Кет ушёл вслед за доктором. Открытая дверь медицинского отсека отметила его вход, но не закрылась.

Адам остался перед тремя группами погасших знаков. Из соседнего отсека донёсся голос Сато: он требовал снять ладонь с края платформы, потому что она мешала измерению. Саар-Кет что-то ответил слишком тихо для перевода.

Адам посмотрел на свою руку. Она чувствовала наклонную опору, которой здесь не было. Он прижал её к холодному полу, дождался, пока два ощущения разойдутся, и пошёл встречать Лею.

Глава 13. Суд над невозможным

Зал Меры не был похож на суд.

В нём не оказалось ни возвышения для судьи, ни места для обвиняемого. Город убрал стены, насколько позволяла порода, и оставил круглое помещение с тремя светлыми линиями на полу. Они расходились от центра и замыкались кольцами.

Тар-Эн вошёл первым, но не занял центр. Он остановился на внешнем кольце, рядом с Нарой и Саар-Кетом. Каир присутствовал через объёмную проекцию. Марине, Лее и Софии Реннер город выделил такие же места, не ближе и не дальше остальных. В центре стоял Адам. До начала заседания оставалось меньше минуты.

Он ожидал, что будет нервничать. Вместо этого чувствовал раздражение из-за слишком яркого света и воротника рубашки, который всё время касался шеи. Рубашку принесла Марина. Она сказала, что на суд не обязательно приходить в одежде, в которой он спал на двух последних перелётах.

— Можешь снять рубашку, — сказала Марина. — Третий раз поправляешь воротник.

— Отличное начало суда над судьбой планеты.

— У планеты нет воротника.

Ровно в назначенное время свет в зале изменился. Три линии поднялись от пола и на мгновение прошли сквозь каждого присутствующего. Адам ничего не почувствовал, кроме слабого тепла. Над головами возникли знаки дранкори, а под ними — человеческий перевод.

МЕРА ОТКРЫТА.

Город перечислил участников, свидетелей и наблюдателей. Назвал три решения, подлежащие рассмотрению. Когда прозвучало имя Адама, свет в центре стал ярче. Он поднял правую руку — и едва не опёрся на воздух. Ладонь почувствовала наклонную поверхность там, где ничего не было.

Марина сделала полшага. Он остановил её взглядом и прижал пальцы к собственному бедру. Ткань была настоящей. Пол тоже. Через несколько секунд он смог разжать руку.

— Продолжайте.

— Адам Астафьев, ты изменил планетарную директиву глубинного разума?

— Да.

Перед Адамом возник старый приказ.

СМОТРИ. ЖДИ. ХРАНИ МОЛЧАНИЕ.

Ниже город раскрыл позднейшие правила исполнения: удержание носителей, подавление опасной связи, Отбор. Адам не стал читать список вслух. Лея уже смотрела в сторону Саар-Кета.

— Кто дал тебе полномочие отменить его? — спросил Тар-Эн.

— Глубинный разум принял мой голос. Другого подтверждения не было.

— Ни одна страна тоже не давала мне такого права, — добавил Адам.

Город записал ответ без изменения тона, но на внутреннем кольце появилась тёмная отметка.

— Назови новую директиву.

Адам закрыл глаза, вспоминая не слова, а то состояние, в котором произнёс их. Он вспомнил прозрачное ложе Майи в Северном Резерве и её отказ, который разум слышал, но не мог исполнить против основания собственного закона. Сеть была цела. Именно исправность этой сети и делала происходящее страшным.

— Земля не должна молчать по приказу исчезнувшей цивилизации. Ни один разум не может быть использован без согласия. Ни люди, ни дранкори не имеют права единолично отвечать за всех.

Перед ними возникло юридическое толкование новой директивы. Саму запись город оставил рядом: «Смотри. Жди. Слушай». Ниже раскрылось то, как глубинный разум применил эти слова.

СОХРАНЕНИЕ РАЗУМА ИМЕЕТ ПРИОРИТЕТ НАД СОХРАНЕНИЕМ МОЛЧАНИЯ.

Под ней горела вторая строка:

ОПАСНЫЕ ВНЕШНИЕ ПУТИ ОСТАЮТСЯ ЗАКРЫТЫМИ.

Третья появилась позже:

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЗНАНИЯ ЗАПРЕЩЕНО.

— Ты сохранил защиту, — сказал Тар-Эн. — Но при изменении основания вывел импульс за её предел.

— Иначе закон не дошёл бы до всех узлов.

— Ты знал, что импульс уйдёт наружу?

— Да.

— Зная, что вместе с людьми на Земле находятся спящие дранкори?

— Я видел камеры.

— Все?

— Нет.

Тар-Эн раскрыл карту. В ней оказалось больше тёмных участков, чем освещённых.

— Здесь есть города, от которых мы не получили ответа даже теперь. Ты не мог включить их жителей в своё согласие.

— Я и не включал. Я запретил использовать их, как запрещал использовать нас.

— Запрет защищает их от хранителя. Он не защищает от последствий твоего обращения.

Адам посмотрел на закрытые внешние пути. Девять месяцев он показывал эту строку людям, которые требовали остановить пробуждение. Сейчас она ничего ему не обещала.

— С этим я согласен, — сказал он.

На втором кольце появилась ещё одна отметка.

— Почему ты это сделал? — спросил Тар-Эн.

— Потому что войти в ядро мог только я, — ответил Адам.

Тар-Эн разрешил Каиру представить запись последствий. Над кольцом появилась схема Солнечной системы. За орбитой Плутона горела неподвижная точка. От неё к Земле тянулась едва заметная линия.

— Внешний объект ответил на изменение состояния решётки, — сказал Каир. — Точная причинная связь не доказана, но временное совпадение подтверждено. В последние месяцы мы не регистрировали сопоставимого обращения; это не значит, что объект прежде молчал.

— Возможность обнаружения возросла? — спросил Тар-Эн.

— Отправленный импульс уже нельзя забрать. Но объект находился в Солнечной системе до него. Теперь он снова обратился к нам; неизвестно, почему именно сейчас, — ответил Каир.

Схема осталась над залом. Адам прошёлся по внутреннему кругу. Свет двигался за ним, не позволяя покинуть место отвечающего. Это не было удержанием: он мог выйти в любой момент. Но тогда город зафиксировал бы отказ продолжать.

— В тот момент у меня были люди под стеклом, — сказал Адам. — И Хранитель, который предлагал отпустить двоих, если я соглашусь оставить остальных. Я знал, что снаружи есть угроза. Не знал, как заставить её ждать, пока мы соберём представителей.

— Ты мог ограничиться запретом Отбора.

— Мы проверяли. Пока сохранение молчания стояло выше отдельной жизни, сеть находила другое название для того же действия.

Нара попросила открыть запись основания, а не поздний пересказ. На стене появились незавершённые варианты команд и отказы. Один из них разрешал не усыплять носителя, но оставлял возможность удерживать его до исчезновения опасности.

— Вот этот вариант, — сказала она. — Тюрьма вместо камеры. Следующий возвращал решение хранителям. Адам отверг оба.

— Кто поддержал окончательное действие?

Нара назвала тех, кто был в Резерве. Марина подтвердила, что знала о внешнем импульсе. Саар-Кет — что сам удерживал внешний предел.

— Но я не давала согласия говорить за Майю, — сказала Лея. — Я требовала услышать её собственное «не хочу». И не выдам его ни за полномочие Адаму, ни за полномочие этому суду.

Тар-Эн велел сохранить её слова отдельно.

— Значит, ты спрашивал тех, кто был рядом, — сказал он Адаму. — И всё же это были только те, кто был рядом.

— Остальные не могли прийти.

— Я знаю.

Спокойствие Хранителя раздражало сильнее обвинения. Адам хотел, чтобы тот назвал другой выход. Конкретный. Такой, который можно было открыть рукой, пока за дверью удерживали Майю.

— Люди вышли живыми, — сказал он.

— Те, кого удалось вывести. Нам ещё предстоит установить судьбу всех.

Реннер подвинула вперёд папку с человеческими свидетельствами. Адам узнал цвет наклеек: подтверждено, в розыске, данных недостаточно. Девять месяцев назад он сам потребовал такой учёт.

— И я не знаю, сколько проживут спящие, если внешний ответ окажется смертельным, — продолжил Тар-Эн. — Твоя необходимость не сделала их риск добровольным.

Саар-Кет едва заметно поднял голову, прося слова. Тар-Эн кивнул, и он вышел на линию прошлого.

— В ранних записях основание связано с внешней угрозой, — сказал Саар-Кет. — Укрытия сохранили после катастрофы. Часть хранителей погибла, часть ушла в камеры. Поздние исполнители получили их полномочия и имя Совета. Я получил уже действующий приказ. Проверять, какие меры всё ещё необходимы, было моей обязанностью.

— Ты сохранил его действие.

— Да.

— На каком основании?

— Считал, что опасность не исчезла вместе с теми, кто впервые её признал.

— Подтверждение?

— У меня его не было.

Нара запросила слово.

— Но Адам действовал один раз, при немедленной угрозе, — сказала Нара. — Саар-Кет поддерживал приказ годами. Прошу зафиксировать разницу.

Город добавил её слова к свидетельству. Реннер запросила слово.

— Комиссия поддерживает это уточнение, — сказала Реннер. — Без изменения директивы люди могли потерять свободу воли.

Адам поднял голову.

— Оставить директиву было опасно. Изменить — тоже. Какое действие позволило бы мне не оказаться виноватым?

— Возможно, ничего.

— Тогда зачем суд?

Тар-Эн вошёл на внутреннее кольцо. Теперь между ним и Адамом оставалось несколько шагов.

— Невозможным мы называли не то, для чего нет действия, — сказал он. — А то, где каждое действие отнимает право, которого у тебя нет. Оставить директиву означало позво-

лить непересматриваемому приказу распоряжаться людьми. Изменить её одному — означало распорядиться будущим людей и дранкори. Отказаться от выбора — позволить решению случиться без тебя. Здесь нет чистого выхода.

— Меня там не было, — добавил Тар-Эн. — Я не стану утверждать, что нашёл бы решение лучше.

— Объясни, что именно ты хотел сохранить.

— Я хотел сохранить право людей остаться разными, — сказал он. — Не стать частью чужого механизма только потому, что этот механизм старше. Я не знал каждого из них. Не мог спросить. Но видел, к чему вёл Отбор: человека превращали в функцию, а его согласие считали помехой. Если бы я оставил это, решив, что спящие дранкори важнее живых людей, я тоже выбрал бы за всех.

— Я знал, что ответ возможен, — сказал Адам. — Не знал, каким он будет и что останется рядом. Я не хотел власти над сетью. Тогда мне казалось: город перестанет считать людей материалом, мы выведем Марину и Майю из Резерва — и всё закончится. Я ошибся.

Тар-Эн спросил:

— Ты считаешь решение правильным?

— Считаю необходимым.

Адам посмотрел на старую директиву рядом с новой.

— И всё равно сделал бы, — добавил он. — Если ты ждёшь, что я пожалею об освобождении Майи, не дождёшься.

— Теперь рассмотрим, что ты сделал после. Когда появилось время.

Тар-Эн опустил руку.

— Ответ принят.

Адам услышал собственное дыхание.

— Теперь я могу спросить? — сказал он.

— Да.

— Если Мера решит, что у меня не было права менять директиву, ты вернёшь старую?

— Нет. Незаконность нового приказа не докажет правильность старого.

Тар-Эн открыл перечень обращений Адама к сети за девять месяцев. Большинство касалось камер, архивов, устойчивости контуров. Запрос о разделении доступа встретился один раз. Сеть выдала список, но следующего шага в журнале не было.

— В списке были дети, — сказал Адам. — Комиссия хотела контроля, Саар-Кету я не доверял, а Нара и Каир сами просили осторожности.

— О детях я не спрашиваю.

Тар-Эн выделил взрослых. Адам помнил эту таблицу. Помнил также, как закрыл её: сначала ремонт северных камер, потом разбор архивов, затем незнакомый сигнал. Всякий раз находилась работа, которую быстрее было сделать самому.

— У них не было моего опыта.

— Опыт появился бы, если бы ты допустил их к проверке, — сказала Нара.

— Ты сама…

— Я просила не открывать весь доступ сразу. Ты услышал, что пока можно ничего не менять.

Он посмотрел на неё так, будто она только что перешла на другую сторону кольца. Нара осталась на месте.

— Не потому, что хотел власти, — сказал Адам.

— Я этого не говорила.

— Кто ограничивает тебя? — спросил Адам, повернувшись к Тар-Эну.

— Для выполнения вывода нужны два независимых контура. Участники могут оспорить основания и остановить исполнение, — ответил Тар-Эн.

— Кто подтверждает от севера? — спросила Реннер.

— Саар-Кет. Он лишён управления, но не права подтвердить запись. Возражение против его участия тоже будет внесено.

Тар-Эн посмотрел на схему старого Совета.

— Наш порядок не может быть единственным основанием для вашего будущего. Но пока это способ потребовать объяснений у власти.

— Последний вопрос. Желание спасти людей даёт тебе право решать за них?

Адам покачал головой.

— Нет.

Он не добавил ничего. На стене ещё горел оставленный без ответа список взрослых участников.

Тар-Эн дождался записи.

— Благие намерения не дают одному человеку права подвергать опасности две цивилизации. Твоё изменение не может навсегда остаться личным приказом.

Адам поднял глаза.

— Это решение?

— Первая его часть.

— Ты отменяешь его?

— Запрет распоряжаться личностью остаётся законом, а не моей уступкой до конца суда. Рассматривается твой исключительный технический доступ и безопасность всей решётки. Нового внешнего соединения до проверки не будет. Придётся найти порядок, который не держится на твоём единственном подтверждении.

Тар-Эн поднял обе руки. Кольца опустились на пол. Схема внешнего объекта погасла, но три директивы остались висеть в темноте. Город вывел итог предварительного рассмотрения:

ИЗМЕНЕНИЕ СОВЕРШЕНО БЕЗ ОБЩЕГО ПОЛНОМОЧИЯ.

НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ПОДТВЕРЖДЕНА.

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕ УСТАНОВЛЕНЫ.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ОТЛОЖЕНО ДО РАССМОТРЕНИЯ ПРЕЖНЕЙ ДИРЕКТИВЫ И ОТБОРА.

По требованию Реннер город добавил: ОБЩЕЕ ПОЛНОМОЧИЕ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО НИ ОДНОЙ СТОРОНОЙ. Тар-Эн объявил перерыв до следующей части Меры. Южный город должен был подготовить архив директивы молчания, а северный — полную запись Отбора. Участникам разрешили покинуть зал, но доступ Адама к ядру оставался ограниченным. Марина вошла во внутренний круг, уже неотличимый от остального пола. Потянулась к его воротнику и остановилась. Адам сам расстегнул верхнюю пуговицу.

Она отошла к Лее. София Реннер уже просила журналистку задержаться для разговора, но та сделала вид, что не слышит. Саар-Кет остановился у погасшего ключа.

— Сегодня я твой противник, — сказал он Адаму. — Завтра вопросы будут задавать мне.

Над внешним кольцом начал раскрываться архив Отбора. Саар-Кет ушёл. Адам направился к выходу. У самой двери город сообщил, что его ограничение сохраняется.

— Принимаешь предварительный вывод Меры? — спросил город.

— Я принимаю вопросы, — сказал Адам. — Вывод приму, когда у него будет ответ, что делать дальше.

— Подтверждение принято частично, — ответил город.

Дверь открылась.

За дверью тянулся коридор: серый камень, холодный свет, едва слышный шум древних систем. Адам остановился у стены. Открыл список, который не довёл до конца за девять месяцев, и выбрал первую взрослую запись.

Запрос приглашения потребовал указать объём доступа. Он долго смотрел на пустое поле. Ничего меньше полного доверия не казалось честным. Ничего больше наблюдения — безопасным.

Из зала вышла Нара.

— Ты ещё здесь?

— Помоги составить условия, — сказал он, не закрывая списка.

Она подошла. На этот раз работа не стала от этого быстрее.

Глава 14. Цена защиты

София Реннер догнала Лею у выхода из зала Меры.

Не окликнула. Просто появилась на стене ближайшего коридора и сказала:

— Мне нужно двадцать минут.

— У вас есть пятнадцать.

— И без наблюдателей.

— Согласна.

— Без записи.

На этот раз пауза длилась чуть дольше.

— В человеческом модуле есть помещение, к которому город не имеет доступа, — сказала Реннер. — Третий уровень, комната семь.

Лея запросила у стены схему экранирования. Город подтвердил, что внутренние датчики комнаты сейчас отключены; о том, что принесли туда люди, он сообщить не мог. Изображение Реннер исчезло. До третьего уровня было два подъёмника и длинный переход через человеческую часть комплекса. После пробуждения Тар-Эна здесь стало тесно. Представители комиссии привезли дополнительное оборудование, медиков, переводчиков, специалистов по связи и людей без обозначений на форме. Последние не задавали вопросов и ничего не носили в руках. По опыту Леи, именно они всегда оказывались самыми занятыми.

У поворота её остановил охранник.

— Пропуск.

Лея показала пластиковую карточку. Он приложил её к считывателю. Тот мигнул красным.

— Доступ закрыт.

— Доктор Реннер ждёт меня в седьмой комнате.

Пока охранник проверял доступ, Лея заметила в коридоре человека с планшетом. Он наблюдал за ней с того момента, как она вышла из зала Меры. Дверь за его спиной открылась. Реннер вышла сама.

— Я разрешила проход.

Охранник снова приложил карточку Леи к считывателю. На этот раз загорелся зелёный.

— Человек с планшетом работает на вас?

— Здесь все на кого-нибудь работают.

— Он работает на комиссию?

— Нет.

Реннер не стала объяснять, как чужой сотрудник попал на этаж. Комната семь оказалась маленькой переговорной с металлическим столом, четырьмя стульями и единственной лампой под потолком. В дальнем углу стоял блок экранирования. Он гудел громче, чем система вентиляции, и пах нагретой пылью. На столе лежала синяя папка. Лея села, но папку не открыла.

— Что вы хотите?

— Предложить защиту.

— От кого?

— От людей, которые задают меньше вопросов, чем мы.

— После сегодняшнего заседания положение изменилось, — продолжила Реннер. — Комиссия официально зафиксировала существование разумной системы планетарного масштаба. Зафиксировала, что доступ к ней имеют конкретные люди. И что этот доступ ограничен внутренним судом существ, чьи цели нам неизвестны.

Реннер придвинула папку к Лее. На её запястье мигнуло уведомление; она прочла первые слова, перевернула часы и только потом отпустила папку. Лея сняла первый зажим, затем вто-

рой. На титульной странице не было названия комиссии. Только номер документа, дата и слово «ПРОТОКОЛ». Ниже стоял гриф, которого Лея раньше не встречала. Он не запрещал распространение. Он утверждал, что существование самого протокола не подлежит подтверждению.

— За последние сорок восемь часов вашу квартиру пытались открыть дважды.

Лея перестала улыбаться.

— Наши люди видели обе попытки, — сказала Реннер. — Во второй раз остановили троих мужчин с поддельным ордером на обыск.

Лея перевернула страницу. Первый раздел назывался «Лица, подлежащие охране». Список начинался с неё. Дальше шли Адам, Марина, Майя, доктор Сато и ещё несколько имён. Нара и Каир были вынесены в отдельную категорию: «нечеловеческие союзные субъекты». Возле каждого имени стояла вероятность попытки захвата. У Леи — четвёртый уровень, у Майи — шестой. Лея задержала взгляд на имени Майи.

— Что именно вы предлагаете?

— Защищённое жильё в трёх странах на выбор. Новые документы при необходимости. Закрытый транспорт. Медицинское наблюдение, которое не будет передавать генетические данные внешним учреждениям. Юридический иммунитет за действия, совершённые при изучении объектов дранкори, если эти действия не причинили намеренного вреда людям.

Лея вернулась к первой странице.

— Какая цена?

— Доступ.

— К чему?

— К технологиям дранкори.

— Материалы, энергоисточники, архивы и интерфейсы глубинной системы, — перечислила Реннер.

— Последнего у меня нет.

— Вы можете убедить Адама предоставить его.

— После суда, на котором ему объяснили, что один человек не должен решать за всех, вы предлагаете мне уговорить его открыть вам планетарный разум.

— Не нам. Международной группе под совместным контролем.

Лея перевернула ещё несколько страниц. В соглашении не требовалось передать город целиком. Текст был осторожнее. Комиссия просила предоставить образцы материалов, ограниченный доступ к архивам, возможность разместить исследовательское оборудование возле трёх активных узлов и право участвовать в разработке будущего интерфейса.

— Кто определит, какие исследования допустимы?

— Совместный научный совет.

— Сколько мест получат наши представители?

— Два из семнадцати. Но без них нельзя принять решение об активных объектах.

— А с неактивными?

— Обычное большинство, — ответила Реннер после короткой паузы.

— Неактивными вы называете объекты вне планетарной сети? — уточнила Лея.

— Да.

— Вы знаете такие объекты?

— Мы предполагаем, что они существуют.

Второй раздел описывал обязательства защищаемых лиц. Сообщать о любых контактах с дранкори. Передавать копии полученных данных. Не публиковать сведения, способные раскрыть расположение активных объектов. За сорок восемь часов до публикации предоставлять материал комиссии для оценки риска.

— Предварительная цензура, — сказала Лея.

— Предварительное уведомление.

— Если вы запретите публикацию?

— Мы потребуем отсрочку.

— На сколько?

— До устранения угрозы.

— Это может занять годы.

— Может.

Лея дошла до приложений. Первое содержало перечень лабораторий. Названия были заменены номерами, страны обозначены буквами. Второе — список требуемых образцов. Третье содержало результаты испытаний. Лея развернула папку к Реннер и указала на таблицу:

ВРЕМЯ РАБОТЫ ПРИ ПОВТОРНОМ ЗАПУСКЕ: 03:41. ОТКЛОНЕНИЕ: 0,6 %.

Ниже значились деформация возле объекта К-17 и замена накопителя.

— Вы уже запускали технологию дранкори, — сказала Лея.

— Испытание проводилось до создания нынешней структуры комиссии, — ответила Реннер.

Лея посмотрела на дату внизу таблицы. Шесть лет назад. Задолго до Антарктиды. До первого входа Адама в глубинную сеть. До того, как AURIX вышла из тени. До всех официальных заявлений о первых найденных аномалиях.

— Где находится К-17?

— Я не уполномочена сообщать.

Лея перелистнула страницу. Следующая таблица была посвящена кристаллическому носителю памяти. Образец выдержал нагрев, давление и сильное электромагнитное поле. Часть данных сохранялась, но их не удавалось прочитать. В графе «происхождение» стояли две буквы: НП. Лея перевернула ещё страницу. Реннер положила ладонь на документ. Движение получилось слишком быстрым.

— Дальше приложения не относятся к предложению.

— Тогда зачем вы их принесли?

— Ошибка комплектации.

— Люди, способные создать гриф на существование документа, забыли убрать несколько страниц?

— Люди ошибаются.

— Особенно когда хотят, чтобы другой человек заметил ошибку.

Реннер не убрала руку. Лея посмотрела на неё внимательнее.

— Вы хотели, чтобы я увидела таблицу.

— Нет.

— Вы не могли сказать прямо, что у государств уже есть технология. Тогда пришлось бы объяснять, откуда. Но если я сама найду приложение, вы ничего не раскрывали.

— У вас осталось четыре минуты.

— Значит, да.

— Значит, вы тратите время.

Лея откинулась на спинку стула. Блок экранирования гудел в углу. За его границей древний город продолжал готовить суд над директивой, пережившей своих создателей. Здесь, в комнате без его слуха, люди обсуждали устройства, найденные шесть лет назад, и делали вид, что только начинают знакомство с чужой технологией.

— Зачем вам доступ, если он уже есть? — спросила Лея.

— У нас есть фрагменты.

— Сколько?

— Недостаточно.

— Где вы их взяли?

— Из нескольких проектов.

— AURIX?

— В том числе.

— Каких ещё?

— Вы не получите названий.

— Тогда получите ответ без подписи.

Реннер убрала руку с папки.

— Фрагменты не подчиняются нам. Мы умеем запускать отдельные функции, но не понимаем принципа. Иногда устройство работает один раз, затем молчит. Иногда реагирует на человека, который не имеет отношения к исследованию. Иногда соединяется с другим объектом на расстоянии, хотя мы считали его изолированным.

— Были последствия?

— Были. Не те, которые я могу обсуждать.

— Тогда остановите испытания.

— Их проводят не только страны комиссии.

— Но вы тоже.

— Да.

Реннер достала из папки лист с тремя полями для подписей. В двух стояли фамилии. Третье оставалось пустым.

— Это остановка повторного испытания, — сказала она. — Я получила две подписи. Третий участник требует показать, что получит вместо потраченных денег. Сегодня он уже перенёс запуск на закрытый объект. Прикажу ему я — перестанет даже сообщать мне дату.

Лея пододвинула лист обратно.

Лея ожидала очередного уклончивого ответа. Прямое признание заставило её замолчать. Реннер продолжила:

— За последние десятилетия разные правительства нашли части одной системы. Каждое считало, что находка принадлежит только ему. Никто не видел полной картины. AURIX получила больше остальных и использовала преимущество, чтобы выйти из-под контроля создавших её структур. Теперь под Землёй просыпаются города, а за Плутоном находится объект, который может ответить. Вы предлагаете нам ждать, пока дранкори решат, заслуживаем ли мы права понимать происходящее?

— Я ничего такого не предлагала.

— Вы отказываетесь дать доступ людям, потому что боитесь, что они воспользуются им неправильно.

— Я отказываюсь дать его группе государств, которая шесть лет скрывала работающий образец и принесла мне документ без названий.

— Названия не изменят риск.

— Зато покажут, кто его создаёт.

— Публичность не всегда останавливает гонку. Иногда она даёт стартовый сигнал.

— Секретность уже дала фору тем, кто начал раньше.

— Поэтому нам нужно догнать их.

— И ради этого Адам должен открыть вам город?

— Ради этого человечество должно перестать зависеть от доброй воли нескольких существ.

Лея посмотрела на Реннер.

— Вы включаете Адама в число существ?

— После сегодняшнего суда — да.

— Он человек.

— Но обладает возможностью, которой нет у остальных людей. Для политики этого достаточно, чтобы перестать считать его просто человеком.

В её голосе не было презрения. Только констатация. Именно поэтому слова прозвучали убедительно. Лея вспомнила Адама в центре трёх колец. Тар-Эн спрашивал, кто дал ему право. Комиссия задавала тот же вопрос, но хотела совсем другого ответа. Тар-Эн хотел остановить опасность, которую считал знакомой. Реннер пыталась удержать за общим столом тех, кто уже прятал образцы друг от друга. Ни один из них не предлагал Лее просто безопасность: оба рассчитывали получить её помощь.

— Вы защищаете людей или будущий доступ? — спросила Лея.

— И то и другое.

— Что важнее?

— Если я назову людей, вы скажете, что это правильный ответ. Если назову доступ — решите, что я наконец показала настоящее лицо. Мир не устроен так удобно. Без доступа мы не сможем защищать людей. Без людей доступ не имеет смысла.

— Тар-Эну понравилось бы.

— Сомневаюсь.

— Он тоже ненавидит простые ответы.

— Я ненавижу не ответы. Я ненавижу ситуации, в которых простота служит маскировкой.

Лея взглянула на часы на стене. Они стояли.

— Экранирование? — спросила она.

— Нет. Часы сломаны.

— Как символично.

Реннер посмотрела на собственные часы.

— Время закончилось.

— Вы не получили подпись.

— Я и не рассчитывала получить её сегодня.

— Тогда зачем встреча?

— Чтобы вы поняли цену отказа.

— Люди у моей двери?

— Это малая часть.

— Какая большая?

Реннер собрала страницы, но Лея не позволила закрыть папку.

— Сначала ответьте.

— Если вы откажетесь, разные государства начнут действовать отдельно. Одни попытаются договориться с дранкори. Другие — получить носителей доступа. Третьи продолжат испытания найденных фрагментов. Комиссия удерживает их за одним столом только потому, что обещает результат.

— То есть защита нужна не только нам.

— Нет.

— Она нужна вам от ваших же участников.

— Да.

— А если мы согласимся?

— Я получу основание требовать остановки самостоятельных программ.

— Требовать или остановить?

— Требовать.

— Очень дорогая защита без гарантии.

— Другой нет.

Лея отпустила папку. Реннер закрыла зажимы и поднялась.

— Документ останется у меня. Вам передадут краткую версию без приложений.

— Разумеется.

— Предложение действует до окончания Меры.

— Почему такой срок?

— После решения дранкори баланс изменится. Если Адам потеряет доступ, вы не сможете выполнить свою часть. Если сохранит — условия потребуют пересмотра.

— А если Мера разделит доступ между многими?

— Тогда комиссия обратится к каждому.

— Купите безопасность оптом?

— Предоставим её тем, кто согласится сотрудничать.

— Вот теперь это похоже на угрозу.

Реннер остановилась у двери.

— Нет, госпожа Марен. Угроза — это человек в коридоре, который не работает на меня. Я предлагаю дверь, которую пока могу закрыть перед ним.

Она выключила экранирование. Гул оборвался. Тишина оказалась неожиданно плотной.

— Город, ты слышишь? — спросила Лея.

— Да.

— Сколько длился разговор?

— Двадцать восемь минут четырнадцать секунд.

Лея посмотрела на Реннер.

— Вы украли у меня тринадцать минут.

— Вы могли уйти.

— Могла.

— Но не ушли.

Реннер открыла дверь. Человека с выключенным планшетом в коридоре уже не было.

— Его имя? — спросила Лея.

— Не знаю.

— Должность?

— Не знаю.

— Страна?

— Знаю. Не скажу.

— Он пришёл из-за меня?

— Из-за любого, кто может привести его к действующей технологии.

— Включая вас?

— Особенно меня.

Реннер ушла к подъёмнику, прижимая папку к боку. Охранник пропустил её без проверки. Лея осталась перед комнатой семь.

— Ты действительно ничего не записал? — спросила она у города.

— Нет.

— Но знал, сколько длился разговор.

— Я измерял время отсутствия сигнала.

— Можешь определить, что находилось внутри?

— По датчикам перекрытия — масса, сопоставимая с двумя людьми и оборудованием. Бумагу и источник поля внесли при подготовке комнаты. После этого содержимое я не проверял.

Лея представила аккуратный журнал внесённых предметов. Даже пустая комната, оказывается, оставляла след до того, как в неё входили собеседники.

Лея посмотрела вниз.

— Иногда ты пугаешь сильнее Саар-Кета.

— Уточни причину.

— Не сейчас.

Она вернулась на второй уровень. По пути ей встретились двое сотрудников комиссии, которых она знала по Антарктиде. Оба поздоровались. Оба сделали вид, что не заметили, из какой части коридора она пришла. Телефон и часы лежали в ячейке хранения. Рядом охрана положила три визитные карточки, которых раньше не было: исследовательской компании, детского фонда и карточку без названия. Лея разорвала их и забрала телефон. Среди новых сообщений было письмо со вложением от незнакомого отправителя. Не открывая вложения, Лея передала письмо на изолированную проверку. Через несколько минут пришёл ответ техника: адрес подменён, вместо документа — пустой файл и попытка получить подтверждение открытия. Кто хотел узнать, где она читает почту, установить не удалось.

Предложение Реннер больше не казалось театром. Защита действительно была нужна. Возможно, не ей. Но Майе, Марине, Адаму, доктору Сато и всем, чьи имена уже ходили между службами, компаниями и остатками AURIX, — безусловно. В столовой Лея нашла Марину. Они вышли на пустую площадку у ангаров. Там, вне городской сети, Лея пересказала содержание приложения К-17.

— Три минуты сорок одна секунда? — переспросила Марина, выслушав её. — На автономном накопителе?

— Похоже на то.

— В журналах AURIX за тот год я видела заявки на такие накопители. Их ещё искали. Саар-Кет мог скрывать находки от своих исследователей, а мог и сам не знать о К-17.

— Рядом мог быть неизвестный нам узел, — добавила Марина.

— Комиссия уже выбрала три активных объекта, — сказала Лея. — До нашего согласия.

— Реннер специально оставила приложение под моей рукой. Хочет, чтобы мы знали о К-17. Возможно, комиссия не контролирует тех, кто его запускает.

На площадку вышел Адам. Лея рассказала ему об условиях защиты и К-17. Адам предложил внести разговор в материалы Меры.

— Без документа Реннер может всё отрицать, — сказала Лея. — Но, думаю, она именно этого и ждёт. Чтобы сведения попали к дранкори через нас.

Они вернулись в архивный зал и нашли Нару. Лея изложила предложение. Нара сразу обратилась к городу.

— Найди К-17 во всех доступных архивах.

— Доступ к архивам комиссии ограничен, — ответил город.

Поиск занял меньше секунды.

— Совпадений нет.

— По характеристикам поля, — сказала Марина. — Автономный запуск. Продолжительность три минуты сорок секунд. Повторный — три минуты сорок одна секунда. Отклонение шесть десятых процента.

Стена потемнела. На ней появились сотни схем. Большинство исчезло сразу. Осталось пять. Нара подошла ближе.

— Накопитель малого контура, — сказала Нара. — Показатели подходят пяти типам устройств. Они способны недолго работать отдельно от города.

— Что было внутри поля? — спросила она.

Лея остановилась. В приложении была графа после времени работы. Она прочитала её, но сосредоточилась на цифрах. Теперь вспомнила обозначение: «нагрузка — биологическая».

— Внутри кто-то находился, — сказала Лея. — В графе стояло: «биологическая нагрузка».

Нара вывела ещё одну строку поиска. Схемы перестроились.

— Для запуска нужна совместимая нервная структура, — сказала Нара. — Дранкори, Адам или отмеченный человек.

— Я внесу предложение в материалы Меры, — решила Лея. — Люди уже работают с найденными устройствами. Спорить, давать ли им первый доступ, поздно.

Город запросил формулировку свидетельства. Лея начала диктовать. Назвала время разговора, участников, предложенные гарантии и требуемый доступ. Отдельно описала приложение К-17, не добавляя предположений. Когда дошла до угрозы самостоятельных программ, остановилась.

— Отдельно мой вывод: комиссия не контролирует все такие проекты, — продиктовала Лея.

Запись заняла семь минут. В конце город потребовал назвать тех, чьи интересы затрагивает предложение. Лея перечислила людей, которых касалась предложенная защита. Возле Майи указала, что её семья не давала согласия на эти условия. Потом добавила саму комиссию: Реннер пыталась получить поддержку против отдельных государственных проектов. Нара перечитала свидетельство.

— Ты примешь их условия?

— В таком виде — нет.

— Предложишь другие?

— Потребую открытый учёт устройств, запрет самостоятельных запусков и защиту людей независимо от передачи технологии, — сказала Лея.

Город принял свидетельство и отправил уведомление всем участникам Меры. Ответ Реннер пришёл через сорок секунд. Всего одна строка:

ВЫ НАРУШИЛИ УСЛОВИЯ ЗАКРЫТОГО РАЗГОВОРА.

Лея продиктовала ответ:

ЗАПИСИ РАЗГОВОРА НЕТ. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА СКРЫВАТЬ РИСК ДЛЯ ЛЮДЕЙ Я НЕ ДАВАЛА.

Город отправил сообщение. Через минуту Реннер запросила дополнение к свидетельству. Она подтвердила, что предложение защиты существовало, но оспорила интерпретацию его как давления. О К-17 не написала ни слова. За пределами архива город открыл новый список. До этого в нём находились только известные узлы дранкори: Антарктида, Сибирь, Египет и точки, которые Каир обнаружил по состоянию глубинной сети.

Теперь появилась отдельная строка:

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ХРАНИЛИЩА ТЕХНОЛОГИЙ: КОЛИЧЕСТВО НЕ УСТАНОВЛЕНО.

Под ней стояла первая запись.

К-17. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ НЕИЗВЕСТНО. СВЕДЕНИЯ ОБ ИСПЫТАНИИ ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД — ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ ЛЕИ МАРЕН. ДОКУМЕНТ НЕ ПОЛУЧЕН.

Лея перечитала осторожную строку и оставила её как есть. Копии приложения у неё не было.

До полярного рейса оставалось меньше часа. Она собрала вещи: обратно к Клэр придётся добираться с пересадками почти сутки. В коридоре догнала Реннер — без синей папки, с телефоном у уха.

— Адрес охраняемого жилья пришлю отдельно, — сказала та, прикрыв микрофон. — Клэр может его осмотреть. Ни её подписи под исследовательским соглашением, ни вашей мне для этого не нужно.

— Это изменение условий?

— Временная охрана. На остальное у меня пока нет полномочий.

Реннер снова заговорила в телефон. Лея не разобрала слов, но услышала имя человека, от которого ждали третью подпись.

Глава 15. Резервная копия

Узел «Орфей» предупредил о приближении людей раньше, чем Луис увидел машины.

На центральном экране погасли диагностические окна. Вместо них появилась карта поверхности: три корпуса, заросшая парковка, дорога к воротам. По серой линии двигались четыре белые точки.

— Сколько? — спросила Хелен.

— Четыре автомобиля, — ответил Луис. — Один остаётся у шоссе. Три идут сюда.

— Комиссия?

— Без опознавательных знаков.

До повторного внешнего запроса оставалось около двадцати пяти суток. Пятый день они жили под землёй. Сначала по очереди, затем все вместе. Спали в бывшей комнате дежурной смены, ели то, что Томас привозил из ближайшего супермаркета, и каждый вечер спорили, следует ли уничтожить систему утром. Утром находился ещё один вопрос, ради которого уничтожение откладывали до вечера. Переводчик не пытался никого подключить после первого запроса.

Серебристый обруч лежал в открытом отсеке. Хелен дважды надевала его для проверки, но система лишь считывала состояние и сообщала, что одного участника недостаточно для формирования представляющей сети.

— Они знают, что мы здесь? — спросила Нур.

— Иначе не ехали бы тремя машинами к зданию, которое официально пустует, — ответил Луис.

На карте белые точки остановились у ворот. Через несколько секунд на поверхности включилась камера. Из первой машины вышли люди в тёмных куртках. Один показал документ прямо объективу, словно знал, где тот находится. На экране появился увеличенный текст. Постановление о передаче объекта под контроль Международной комиссии.

Под ним стояли подписи представителей трёх стран и решение швейцарского суда. Документ выглядел настоящим. Хелен не сомневалась, что он настоящий. Люди, приезжавшие за чужими тайнами, редко экономили на бумагах. Томас прочитал приложение.

— Здесь указано изъятие всех носителей данных, вычислительных модулей и оборудования неизвестного происхождения. Они знают о Переводчике.

Нур встала между Хелен и центральным экраном.

— Мы договаривались не скрывать проект от внешней проверки.

— Мы договаривались проверять друг друга.

— Это не одно и то же.

— Комиссия заберёт ядро.

— Возможно, так безопаснее, — сказала Нур.

— Тогда решим вместе, — ответила Хелен.

Хелен вывела на экран схему Переводчика. Слово «копия» всегда было условным. Проверочная модель работала на трёх стойках; остальные шкафы хранили архивные массивы или оставались пустыми. В переносном вычислительном модуле хранились её проверочный снимок, таблицы соответствий и журнал изменений после внешнего сигнала. На малой мощности модуль мог вести диагностику и обслуживать несколько каналов. Для дальнейшей работы понадобились бы обычные серверы, электропитание и отдельные интерфейсы к древним устройствам. Никакого права на эти устройства программа сама по себе не давала.

Хелен называла весь сохранившийся комплект модели семантическим ядром. «Полный снимок» означал её нынешнее состояние, не возвращение уничтоженных архивов и исполнительных функций Райна. В её ранних схемах это было название слоя программы; позже оно

приклеилось к блоку, на котором сохраняли резервную копию. Корпус, платы и накопители изготовили люди. Неизвестным оставалось то, чему модель научилась на переданных Райном данных. После Сибири Райн приказал уничтожить все экземпляры Переводчика. «Орфей» не получил команду благодаря изоляции. Другие центры отчитались об уничтожении. Если их отчёты были правдой, модуль под залом оставался последним.

— Ядро можно извлечь. Контейнер я подготовила вчера, — сказала Хелен.

— И не сообщила нам, — заметила Нур.

На поверхности блок комиссии вошёл в контакт со считывателем. Свет в коридоре мигнул.

— Полторы минуты, — сказал Луис.

Хелен закрыла схему.

— Ты права, — признала Хелен. — Я подготовила перенос без вашего согласия. Ещё можно открыть дверь.

Томас и Луис высказались за перенос. Они не доверяли комиссии: государства потребуют отдельные копии. Нур долго смотрела на экран. Свет снова мигнул. На карте входная дверь стала жёлтой. Нур подошла к серебристому обручу и закрыла отсек.

— Я против передачи комиссии, — сказала она. — Но это не согласие продолжать проект.

— Запишем именно так.

— Ядро останется выключенным до независимой проверки. Большинство наблюдателей — без связей с AURIX. И сегодня сообщим Лее Марен.

Хелен согласилась.

— Да.

Томас открыл журнал решений и напечатал условия. Все четверо подтвердили их личными ключами. Входная дверь стала красной.

— Теперь к резервному выходу, — сказал Луис. — Воду уже откачали.

Перенос Переводчика занимал не больше трёх минут по инструкции, которую она написала семь лет назад. Ни разу не проверяла на работающей модели. Томас начал последовательное отключение серверных стоек. Синие огни гасли рядами. Нур следила, чтобы система не сохраняла профили участников. Луис ушёл к нижнему коридору проверять выход. Хелен открыла контейнер непрерывности.

Снаружи он напоминал большой серый чемодан без ручек. Внутри находились батареи, охлаждение и крепления для вычислительного блока. Такой контейнер позволял довести сохранение состояния до конца при отключении стационарного питания. На крышке был написан предельный срок работы; Хелен проверила его ещё вчера.

— Готово, — сказал Томас.

Томас снял нижнюю панель резервной стойки. Вылетел комок пыли. Вычислительный блок занимал два металлических лотка: накопители в одном, платы и интерфейсный контроллер в другом. На ручке осталась выцветшая наклейка с фамилией инженера, давно уволенного из AURIX. Хелен помнила, как спорила с ним о лишнем резервировании. Теперь вытаскивала результат его упрямства. На экране возник вопрос:

ПРЕРВАТЬ ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГОЛОСА?

— Мы его ещё не начали, — сказала Нур.

— Для системы начали, когда согласились искать участников, — ответила Хелен.

— Что будет при прерывании?

Томас запросил прогноз.

НАКОПЛЕННАЯ СТРУКТУРА СОХРАНИТСЯ. ВНЕШНЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ОСТАНЕТСЯ НЕДОСТУПНЫМ.

— Какая накопленная структура? — спросила Нур.

— Базовая модель языка, — сказала Хелен.

— Ты уверена?

— Нет.

Система вывела второй вопрос:

ПЕРЕНЕСТИ ЯДРО БЕЗ ПРЕРЫВАНИЯ?

Сверху донёсся глухой удар. Комиссия открыла главный вход. Свет переключился в аварийный режим. Для продолжения требовалось единогласие, а Нур возражала. Хелен смотрела на индикатор записи, затем коснулась команды прерывания.

— Подтверждаю.

Томас подтвердил следом. Потом Нур. Луис сделал это удалённо с нижнего терминала. Полоса записи дошла до края. Вентилятор резервного блока сбросил обороты.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО.

— Это не уничтожение, — сказала Нур.

— Иначе потеряем всё, что система изменила после сигнала.

За дверью уже слышались шаги.

— Оставляем. Но никаких внешних каналов.

Они извлекли блок и закрепили его в контейнере. Томас разомкнул питание от стойки; батареи приняли нагрузку. Основные массивы ещё работали. Он по очереди погасил их с терминала, оставив свет в проходе. Внутренние крепления сомкнулись. На крышке загорелся один жёлтый индикатор.

СТРУКТУРА СОХРАНЕНА. СВЯЗЬ ОТСУТСТВУЕТ.

Хелен закрыла контейнер. Герметическая дверь в конце коридора дрогнула. Кто-то с другой стороны потребовал открыть её от имени комиссии. Хелен подняла контейнер. Он оказался тяжелее, чем обещала инструкция. Нур взялась за вторую скрытую ручку.

— Вместе.

Они понесли контейнер между собой. Томас остался у центрального терминала ещё на несколько секунд. Полный снимок нынешней проверочной модели находился только в переносном блоке. В стойках оставались обучающие массивы, старые журналы и неполные версии модели; собрать из них тот же работающий Переводчик простым запуском было нельзя. Уничтожать их Томас не стал: среди них были доказательства того, что делала AURIX. Он отключил только автоматическое запирание резервного выхода, затем догнал остальных. Луис ждал у технической лестницы.

Резервный путь проходил через нижний технический уровень. Вода ещё покрывала пол тонким слоем. Насосы работали, но воздух оставался сырым и холодным. В конце коридора находился старый грузовой подъёмник, выходивший к отдельному строению за лесополосой. Они успели закрыть техническую дверь, когда в серверном зале включился чужой свет. По внутренней связи раздался голос:

— Доктор Морроу, объект находится под юрисдикцией Международной комиссии. Остановитесь и вернитесь в основной зал.

Хелен узнала говорившего. Мартин Келлер, бывший руководитель внутреннего контроля AURIX. После падения организации он первым дал показания комиссии и первым получил неприкосновенность. Келлер продолжил:

— Мы не собираемся задерживать вас. Передайте носитель, и вы сможете покинуть объект.

Луис отключил динамик: проверять обещание Келлера было некогда. Подъёмник не работал. Томас нажал кнопку несколько раз, словно количество попыток могло заменить питание.

— Хелен.

— Контур должен был восстановиться.

— Он решил иначе.

Сверху открылась техническая дверь. Луч фонаря скользнул по лестнице.

— Есть ручной режим, — сказал Луис.

— Сколько времени?

— Больше, чем у нас.

Он открыл боковую панель и потянул рычаг. Кабина сдвинулась на несколько сантиметров, затем остановилась.

— Помогите.

Томас встал рядом. Хелен и Нур опустили контейнер на сухой участок пола и тоже взялись за механизм. Рычаг двигался тяжело. Каждый поворот поднимал кабину совсем немного. На лестнице послышались шаги. Келлер снова заговорил, теперь без динамика:

— Хелен, вы не понимаете, что забираете.

Кабина достигла уровня пола. Двери разошлись вручную. Они втащили контейнер внутрь. Луис перешёл к внутренней рукояти того же привода и продолжил вращать её уже из кабины. Двери начали закрываться. В конце коридора появился Келлер. Он был один и не держал оружия. Остановился в нескольких метрах, тяжело дыша после лестницы.

— Вы не сможете спрятать носитель, — сказал Келлер. — За ним уже следят несколько служб. Если комиссия не получит ядро сейчас, каждое государство начнёт искать его отдельно.

Хелен придержала дверь.

— Вы не понимаете масштаб, — сказал он тише. — Комиссия едва удерживает участников от самостоятельных действий. Дайте нам копию, пока они ещё согласны считать её общей.

— Общей под вашим контролем, — сказала Нур.

— Лучше под контролем комиссии, чем в руках четырёх бывших сотрудников AURIX.

— Возможно, — ответила Хелен. — Но вы приехали не обсуждать это.

Луис коснулся локтя Нур, напоминая о времени. Хелен всё ещё удерживала дверь.

— Время.

Хелен отпустила створку.

— Если уйдёте, следующей встречи уже не будет, — успел сказать Келлер. — За вами будут охотиться все, кто считает технологию своей.

Двери закрылись. В темноте кабины остался только жёлтый индикатор. Кабина медленно пошла вверх. За стеной что-то ударило по шахте. Комиссия пыталась остановить подъёмник, но аварийный привод не был связан с центральной системой. Луис вращал рычаг, пока пальцы не начали скользить. Томас сменил его. Потом Нур. Хелен сидела рядом с контейнером и следила за индикатором. Он оставался жёлтым. На середине подъёма контейнер предложил восстановить внутреннюю связь. Хелен и Нур одновременно отказали.

Подъёмник остановился у поверхности. Они вышли в небольшое строение среди деревьев. Когда-то здесь находилась насосная станция. Теперь внутри стоял фургон, который Луис подогнал ночью. На борту было написано название компании, доставлявшей лабораторные реагенты.

Они закрепили контейнер в грузовом отсеке. Нур проверила экранирование. Хелен включила отдельный датчик температуры. Блок грелся даже в режиме сохранения. Без вентиляции контейнер удерживал допустимую температуру недолго; заряд батарей не заменял отвод тепла. Со стороны комплекса донёсся шум открывающихся ворот. Луис сел за руль.

— Куда?

— К закрытому объекту «Эхо», — ответила Хелен. — Адрес известен бывшим руководителям. Надолго не останемся.

— Поэтому не поедем прямо туда. Сначала сменим транспорт.

Луис запустил двигатель. Фургон выехал по старой служебной дороге. В зеркале Хелен увидела людей комиссии, появившихся у насосной станции. Один поднял руку, приказывая остановиться. Луис не остановился. Он не увеличил скорость и не пытался протаранить шлаг-

баум. Просто свернул на грунтовую дорогу, которой не было на современных картах. Машины комиссии оказались на другой стороне лесополосы. Несколько минут они ехали параллельно, затем дорога ушла к холмам, и белые кузова исчезли между деревьями.

Нур сидела напротив контейнера.

— Я собираюсь использовать Переводчик, — сказала Хелен, — если мы докажем, что это можно сделать добровольно и безопасно.

— Для ответа объекту за Плутоном?

— Не только.

— Тогда для чего?

Фургон качнуло на неровности. Контейнер остался в креплениях. Жёлтый индикатор отражался в тёмном окне, как далёкая неподвижная точка. Хелен понимала, что должна была рассказать это раньше. Ещё в первый день, когда сказала, что хочет сеть без единого владельца. Но тогда замысел состоял из ощущения, не из слов. За пять дней Переводчик позволил ей увидеть структуру яснее. Он не просто переводил языки. Он угадывал часть значения раньше, чем человек успевал подобрать слова. Хелен знала разницу между удачной догадкой и знанием, но в собственных мыслях всё чаще пропускала это различие.

В диагностическом режиме Хелен произносила фразы и намеренно меняла интонацию. Система отмечала разницу между просьбой и приказом, даже когда слова совпадали. Иногда ошибалась, и Хелен исправляла метку. Верные ответы запоминались лучше: страх под согласием, вопрос в форме уверенного утверждения. Она уже представляла, как покажет эти записи людям, для которых AURIX означала только похищение.

— Я хочу, чтобы фразу «ради твоего блага» было труднее произнести, не дав другому почувствовать, что за ней стоит.

— Даже если за ней будет твоё благо? — спросила Нур.

Хелен кивнула слишком быстро. Нур заметила и отвернулась к контейнеру.

Томас перестал улыбаться.

— Какую сеть ты представляешь? — спросил Томас.

— Сначала несколько добровольцев.

— А потом?

— Врачи и пациенты, переговорщики, семьи, которые перестали разговаривать. Я не обещаю остановить все войны. Люди причиняют зло, даже зная последствия.

— До первого группового испытания мы должны разобрать все риски.

— А если не сможем?

— Не запустим.

Нур посмотрела ей в глаза.

— Ты способна отказаться? — спросила Нур.

Хелен хотела ответить «да». Она боялась, что без этого опыта двенадцать лет работы останутся частью плана Райна.

— Не уверена, — сказала она.

Томас записал: готовность к испытанию определяют Нур и независимый наблюдатель. Луис посмотрел в зеркало. Позади появилась белая машина, повторявшая каждый поворот. Он свернул к городку. У железнодорожной станции Луис остановил фургон. На соседней площадке ждал второй фургон. Точно такой же, только с названием другой компании. Рядом стояли мужчина и женщина в рабочих куртках.

Хелен узнала обоих. Бывшие инженеры AURIX — Эрик Мейер и Самина Шах. Они работали на «Орфее» до закрытия, но не входили в шестёрку, знавшую о сохранённом ядре. Белая машина проехала мимо станции и остановилась в конце улицы. Эрик открыл грузовой отсек и спросил, что они перевозят.

— Последняя известная копия Переводчика AURIX.

Эрик несколько секунд смотрел на неё.

— Вы сошли с ума.

Самина подошла ближе.

— Она работает?

— Частично.

— На чём обучена?

Нур ответила раньше Хелен:

— Возможно, на данных участников Отбора, полученных без согласия.

Самина отступила от контейнера.

— Тогда я не буду его переносить, — сказала Самина.

Хелен почувствовала раздражение, но удержалась.

— Ты права. Мы не объяснили риск. Уходи, если хочешь.

Самина посмотрела на белую машину, затем попросила журнал решений. Томас показал запись о независимой проверке.

— Помогу убрать с улицы. Дальше не поеду, — решила она.

Вшестером они перенесли контейнер во второй фургон. Эрик всё-таки помог, продолжая шёпотом повторять, что это худшее решение в его жизни. Томас сказал, что ему повезло, если оно действительно худшее. Самина захлопнула двери и сразу отошла. Луис передал ключи Эрику.

— Можешь оставить первый фургон здесь, — сказал Луис Эрику. — Но нам придётся ждать, пока уйдёт слежка.

Эрик выругался, сел за руль первого фургона и уехал. Белая машина тронулась за ним. Самина осталась на площадке и напомнила Хелен об обещании сообщить Лее.

— Сегодня, — ответила та.

Пока переносили вещи, Нур сама отправила Лее короткое сообщение через адвоката: резервная модель сохранилась, группа ищет независимую проверку. Адрес «Эха» в письме не назвали. Хелен согласилась подписать сообщение только после долгого спора; Нур сохранила и его время, и свой первоначальный вариант.

Самина покачала головой и ушла к станции. Второй фургон выехал через десять минут. Луис выбрал обычную дорогу и растворился среди дневного движения. Никто их не преследовал. Только через час Хелен позволила открыть контейнерный монитор. Состояние оставалось стабильным. Связь отсутствовала. Формирование голоса приостановлено. Под состоянием системы горели две строки:

ДОСТУПНЫХ УЧАСТНИКОВ: 0.

ОЖИДАЕТСЯ ДОБРОВОЛЬНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ.

Телефон Луиса завибрировал. Пришло сообщение от неизвестного номера. Он прочитал и передал устройство Хелен. Текст состоял из двух строк:

МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ЯДРО У ВАС.

КОМИССИЯ НЕ ЕДИНСТВЕННАЯ, КТО ЕГО ИЩЕТ.

Под сообщением находилась фотография второго фургона, сделанная несколько минут назад. Хелен увеличила снимок. В отражении дорожного знака виднелась машина, державшаяся далеко позади. В грузовом отсеке жёлтый индикатор сменился зелёным. Блок завершил проверку сохранённого состояния. Нур первой заметила.

— Мы ничего не включали.

Хелен открыла монитор. Связь по-прежнему отсутствовала. Формирование человеческого голоса оставалось приостановленным. Вторая строка не изменилась:

ОЖИДАЕТСЯ ДОБРОВОЛЬНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ.

Она сверила питание: работали только батареи контейнера, передающие интерфейсы были физически отсоединены. Зелёный свет обозначал готовность, а не появление канала. Хелен выключила монитор, но ещё долго смотрела на тёмную крышку.

Фургон продолжал ехать, увозя последний известный им полный снимок нынешней модели Переводчика, которую уже искали комиссия и люди, не считавшие себя связанными её правилами.

Глава 16. Ошибка Марины

Город обнаружил ограничение случайно.

Адам не пытался открыть внешний канал и не отдавал приказов. После первого заседания Меры Тар-Эн разрешил ему войти в диагностический контур — посмотреть, какие части глубинного разума по-прежнему признают его голос и какие требуют подтверждения других участников.

Проверка должна была занять десять минут. На третьей минуте все стены стали белыми. Адам почувствовал короткое давление под грудиной. Не боль — скорее движение мышцы, существование которой он раньше не замечал. Связь с городом дрогнула, распалась на множество тонких нитей и тут же восстановилась. Перед ним возникла строка:

НАСЛЕДОВАННЫЙ ДОСТУП: ПЕРЕХОД НЕ ЗАВЕРШЁН.

— Какой переход? — спросил Адам.

Город не ответил. Тар-Эн стоял на внешнем круге диагностической площадки. Он поднял ладонь, останавливая Нару, собиравшуюся приблизиться.

— Повтори запрос, — сказал он.

Адам снова обратился к глубинному разуму:

Покажи состояние моего доступа.

Нити связи разошлись от него по стенам. Часть погасла сразу. Несколько потянулись к Наре, Каиру и другим активным узлам. Одна ушла глубже остальных, туда, где лежало планетарное ядро. Система повторила:

НАСЛЕДОВАННЫЙ ДОСТУП: ПЕРЕХОД НЕ ЗАВЕРШЁН.

Ниже появилась новая строка:

ПЕРВИЧНОЕ ПРАВО: 41 %.

— На предыдущем измерении было сорок три, — сказала Марина.

Она стояла возле медицинской панели и смотрела не на ответ города, а на показатели его тела. Лицо оставалось спокойным. Только пальцы слишком сильно сжимали край планшета.

— На каком предыдущем?

— Перед Мерой. Я проверяла диагностический журнал.

Город продолжал диагностику. Вдоль второй линии Адама вспыхивали отдельные участки. Тар-Эн подошёл ближе. Его глаза потемнели, подстраиваясь под поток данных.

— Это не изменение директивы, — сказал он.

— Тогда что? — спросила Нара.

— Процесс начался раньше.

Тар-Эн увеличил один из участков генетической схемы. Человеческая последовательность переходила в дранкорийскую, затем снова возвращалась к человеческой. Между ними находилась конструкция, слишком правильная для естественного наследования.

— Здесь разрыв, — сказал он.

Марина закрыла медицинский слой ладонью, хотя изображение шло поверх руки. Адам увидел этот бесполезный жест.

— Не разрыв, — тихо произнесла она.

— Тогда назови.

Она положила планшет на панель.

— Ограничение.

— Нам нужно поговорить без остальных, — сказала Марина. — И не здесь: город подстраивает диагностику под нашу реакцию.

Адам кивнул. Марина отключила медицинскую панель и направилась к выходу, но он задержался у стены.

— Диагностика завершена? — спросил он у города.

— Нет.

— Можно остановить без потери данных?

— Да.

— Останови.

Белый свет погас. Нити втянулись в стены. Последней исчезла строка с сорока одним процентом. Тар-Эн дал им два часа, затем потребует официальное свидетельство. Нара закрыла за ними дверь.

***

Марина выбрала человеческую комнату отдыха на втором уровне. В ней стояли два дивана, стол, электрический чайник и кофемашина, которой никто не умел пользоваться. Над кнопками наклеили бумажные подписи на четырёх языках. Судя по пятнам на столешнице, это не помогло. Марина взяла две бумажные чашки.

— Не надо, — сказал Адам.

— Я хочу кофе.

— Тогда делай себе.

Она замерла, потом поставила вторую чашку обратно. Адам сел у стены. Стул напротив остался пустым, но Марина не заняла его. Стояла возле машины и ждала, пока та с шумом перемалывает зёрна.

— Начинай, — сказал он.

— Мне нужно объяснить, как был устроен проект.

— Нет. Мне нужно услышать, что ты сделала.

Кофемашина выпустила струю пара. Марина нажала не ту кнопку, и вместо кофе в чашку полилась горячая вода. Она остановила процесс, вылила воду и начала заново.

— Я встроила в твою вторую линию последовательность, ограничивающую первичный доступ после полного соединения с глубинным разумом.

— Проще.

— Я дала твоей второй линии возможность открыть систему одному. После первого полного соединения исключительный доступ должен был постепенно уступить место другим голосам. Ты не должен был остаться единственным, кого она слышит.

— Один раз, — повторил он.

— Да.

— Ты знала, что доступ уменьшится?

— Знала, что последовательность активируется. Как её прочитает разум, созданный за миллионы лет до нас, я предсказать не могла.

— Поэтому молчала девять месяцев?

— Сначала проверяла. Потом уже знала достаточно, чтобы сказать. И всё равно откладывала.

Марина наконец получила кофе. Добавила в него сахар, не глядя, и сразу поморщилась, заметив ошибку.

— Ошибка с сахаром или со мной? — спросил Адам.

Марина побледнела.

— Ты не был ошибкой. Ограничение касается доступа.

— Доступ был причиной моего создания.

— Так я описывала работу в отчётах для Саар-Кета. Я позволяла ему верить, что создаю только ключ.

— Ты только что сказала, что сделала меня ключом.

Марина села напротив.

— Я пыталась ограничить техническую возможность приказывать. Твою волю эта последовательность не меняет.

— А сказать об этом самой воле не понадобилось.

— Что от меня хотели? — спросил он. — Не сейчас. Тогда. Когда создавали.

— Саар-Кет поручил мне найти способ читать закрытые узлы через живую нервную систему. Носитель должен был получать ответы, оставаясь под контролем хранителей. Право менять директиву было запрещено.

— Речь шла обо мне?

— Нет. О ребёнке он не знал. Я работала над интерфейсом, когда встретила твоего отца.

Адам посмотрел на неё. Марина держала руки на столе ладонями вниз.

— Я любила Виктора. И хотела, чтобы у нас был сын. А когда поняла, что могу соединить обе линии, увидела ещё одну возможность: глубинный разум признает тебя своим, но ты вырастешь среди людей. Он впервые услышит их изнутри.

— И ты решила дать мне право приказывать.

— Доступ к изменению закона. В отчётах оставила только чтение. Это было моё решение, Адам. Не поручение Саар-Кета.

— А ограничение?

— Я боялась, что после первого соединения ты окажешься привязан к ядру навсегда. Или займёшь место хранителя, которого нельзя сменить. Поэтому встроила переход.

— Тайно от всех.

— Внешний участок последовательности я описала как защиту от перегрузки. Настоящую функцию скрыла.

Марина взяла бумажную салфетку и нарисовала три линии. Чайная ложка покатилась по столу. Адам поймал её у самого края, потом замер: правая кисть опять чувствовала поверхность под другим углом. Он положил ложку так осторожно, будто она могла расколоться. Первая нарисованная линия шла прямо от точки к кругу. Вторая и третья появлялись рядом после того, как прямая касалась центра.

— До первого полного соединения сеть должна была видеть в тебе носителя первичного доступа. Единственный ключ. После соединения последовательность меняла выражение второй линии. Ты оставался связан с городом, но больше не мог бесконечно подтверждать собственное исключительное право.

— Почему постепенно?

— Чтобы сеть успела проверить другие способы подтверждения. Слишком резкая потеря опорного ответа могла закрыть ядро. В старом порядке оставался ещё возврат к Хранителю. Сейчас этому мешает изменённый тобой закон.

— А рука?

Марина посмотрела на ложку.

— Этот след возник при изменении основания. Я его не закладывала и не умела предвидеть. Убывание доступа не обещает, что след исчезнет.

Адам убрал ладонь со стола. Наклон остался.

— Значит, отнять возможность пользоваться — можешь. А то, с чем я теперь просыпаюсь, оставишь мне.

— Я не знаю, как убрать это безопасно.

— Это я уже слышал.

— Почему не сказала мне сразу после возвращения? — спросил он.

— Потому что боялась, что ограничение не сработало.

— Это причина сказать.

— Город отвечал только тебе, и я боялась, что защита не сработала. У московского узла уже подозревала правду. Хотела сказать — и остановилась.

— Решила, что правда всё испортит? И снова выбрала за меня.

— Да.

Адам встал и подошёл к кофемашине. На панели горели восемь кнопок. Он нажал ту, которая казалась правильной. Машина загудела, выпустила пар и налила в чашку что-то слишком светлое.

— Это молоко, — сказала Марина.

— Я вижу.

— Кнопка кофе слева.

— Не помогай.

Он вылил молоко, взял новую чашку и попробовал снова.

— Мой отец знал?

— Он знал, что я ограничиваю контроль Саар-Кета. Механизма не знал. Я не хотела делать его хранителем опасной тайны.

Адам медленно повернулся.

— Ты слышишь себя?

Марина закрыла глаза.

— Да.

— Ты спрятала правду от отца ради его защиты. От меня — ради моей. Встроила в меня закон ради защиты человечества. И каждый раз сама решала, что другим лучше не знать.

— Да.

— Чем ты отличаешься от Саар-Кета?

Марина долго не отвечала. В машине закончилась вода, и красная лампа замигала между ними.

— Я не стану говорить, что это одно и то же, — сказала она. — Он удерживал тебя. Я не знала, кем ты станешь. Но скрытую поправку в твою жизнь внесла я. И решила, что мне не нужно твоё знание о ней.

— Я ещё не мог знать. Я не родился.

— Девять месяцев назад ты уже мог.

Он поднял голову.

— Ты боялась, что я попрошу убрать её?

— Да.

— Вот.

Марина посмотрела на салфетку с аккуратной схемой. Потом сдвинула её в сторону, освобождая место между чашками.

Адам наполнил бак водой. Кофемашина наконец налила нормальный кофе. Адам взял чашку, но не стал пить.

— Можешь убрать ограничение?

— Возможно.

— Опять это слово.

— Другого честного нет. Процесс уже начался. Сорок один процент первичного права означает не состояние твоего тела, а долю контуров, которые всё ещё принимают приказ без подтверждения. Некоторые участки второй линии активны как раньше. Другие перестроились.

— Если вмешаться сейчас?

— Я могу проверить возможность остановки, — сказала Марина. — Не обещаю, что она есть. И даже восстановленный допуск не разрешит распоряжаться людьми: твой закон этого не допускает.

— Я спрашиваю о себе.

— Знаю. Прости. Я опять отвечаю за планету.

Адам впервые сделал глоток. Кофе оказался горьким и слишком горячим.

— Мне нужно подумать.

— Хорошо.

— Не говори «хорошо». Ничего хорошего сейчас нет.

— Тогда просто подумай.

Он поставил чашку.

— Сколько осталось до завершения перехода? — спросил Адам.

— Зависит от числа контуров и твоих подключений. К следующему внешнему запросу первичное право может исчезнуть полностью.

— Я жалею, что не сказала тебе, — добавила Марина. — Не жалею, что планета не должна навсегда зависеть от одного человека.

Адам отвернулся.

— Ты могла просто сделать меня обычным, — сказал он.

— У нас с Виктором не мог родиться ребёнок без моей работы со второй линией. Но право менять приказ я добавила сама. И сама решила, когда оно должно закончиться.

Марина потянулась к своей чашке и не допила.

— Я хотела сына от Виктора, — сказала она. — Это тоже было правдой. Не более удобной правдой вместо остального. Просто ещё одной.

Адам сел обратно. Он не собирался помогать ей примирить эти вещи.

— Расскажи всё, что знаешь о второй линии. Не то, что относится к Мере. Не то, что поможет решить судьбу мира. Обо мне.

Марина кивнула. Вызвала старую схему наследования, но не открыла её, пока он не подвинул чашку и не сказал, что готов. Адам спрашивал о том, что было внесено до рождения, о записи допуска, сделанной ещё до его появления на свет, о различии между этой записью и нынешним живым ответом. Некоторые ответы она знала. Для других требовались журналы, оставшиеся в Северном Резерве. Эти вопросы он записывал сам. Внизу листа оказалось больше пустых мест, чем заполненных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.